

Has been issued since 1863.

2013. Vol.(1). № 1. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Krinko Evgeny – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Dr. Khlynina Tat'yana – Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Levendorskaya Lyudmila – Documentation Center of the recent history of the Rostov region, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Urushadze Amiran – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Bugai Nikolai – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr. Cherkasov Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Dr. Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Dr. Shneer Aron – National Institute of Remembrance of the Victims of Nazism and the heroes of resistance "Yad Vashem", Jerusalem, Israel

Dr. Zherebtsov Igor' – Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 15.03.13.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 201.

Издается с 1863 г.
2013. № 1 (1). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Главный редактор)

Левендорская Людмила – Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Урушадзе Амиран – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Хлынина Татьяна – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бугай Николай – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация

Черкасов Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Шнеер Арон – Национальный институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем», Иерусалим, Израиль

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal16.com/>

E-mail: sochioo3@rambler.ru

Подписано в печать 15.03.13.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 201.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

© Русский Архив, 2013

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Колонка главного редактора

От редакции	4
-------------------	---

Статьи и сообщения

Исторический источник: жизнь в контексте времени Татьяна Павловна Хлынина	6
--	---

Публикации источников

Обыкновенная история «маленького человека» (Записки муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова) Евгения Ивановна Сазонова, Юрий Михайлович Смирнов (подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии)	14
«Установить систематический контроль за ходом мобилизации...»: Документы Адыгейского обкома ВКП(б). Июнь 1941 г. – июнь 1942 г. Евгений Федорович Кринко (подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии)	30

Рецензии и обзоры

О жизни, смерти и войне: публикация писем и дневников евреев военного времени Евгений Федорович Кринко, Ирина Геннадьевна Тажидинова	40
--	----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**От редакции**

Ровно 150 лет назад вышел первый номер историко-литературного журнала «Русский архив», с которым связана целая эпоха в российской исторической периодике и источниковедении. Его основателем, первым редактором и издателем был Петр Иванович Бартенев (1829–1912). В «Русском архиве» публиковались различные исторические документы, прежде всего, мемуары, письма, дневники, литературно-художественные произведения и другие материалы. Кроме источников «Русский архив» опубликовал и ряд библиографических работ – в первые годы он издавался при Чертковской библиотеке в Москве, которой заведовал П.И. Бартенев (ее фонды впоследствии составили основу Государственной публичной исторической библиотеки России).

По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди всех русских исторических журналов. Большую часть времени он выходил ежемесячно, а пять лет, в 1880–1884 гг. – два раз в месяц, и каждый номер, без преувеличения, содержал уникальные материалы, представлявшие неподдельный интерес для любителей отечественной истории и ценителей словесности. Материалы, изданные за 54 года в 155 томах журнала, оправдывая его название, действительно, составили бесценный архив – собрание уникальных свидетельств по истории и культуре России XVIII–XIX вв. Значительное количество публикаций касалось эпох Екатерины II и Александра I, истории общественной мысли и общественного движения, а также литературы, быта и нравов русского общества. Большое количество литературно-биографических материалов было посвящено жизни и творчеству А.С. Пушкина – в этом отражались и личные интересы издателя, ставшего одним из основателей пушкинистики.

В «Русском архиве» публиковались не только архивные материалы, но и документы из семейных собраний. Существенную роль в этом играли личные качества Петра Ивановича – известного историка и литературоведа, успешного издателя. Именно поэтому ему доверяли свои семейные реликвии представители различных социальных слоев, в том числе и самых известных дворянских родов России и даже членов императорской фамилии. Бартенев вел активную переписку, сохранились письма 2000 его корреспондентов, среди которых немало известных государственных и общественных деятелей, историков, композиторов, писателей, в том числе П.А. Вяземский, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев и многие, многие другие. После смерти Бартенева журнал продолжал выходить еще несколько лет. Но в 1917 г. «Русский архив» был закрыт. В эпоху трагических потрясений стало не до публикаций исторических документов...

В настоящее время выходит немало журналов исторической и гуманитарной направленности, часть из которых – систематически или от случая к случаю – публикует на своих страницах и различные исторические источники. Есть и специальные издания, предназначенные для сотрудников архивов и уделяющие главное внимание специфике архивной работы. У каждого из журналов своя специфика, свои задачи, своя целевая аудитория. Мы вовсе не собираемся подменять какие-то из существующих периодических изданий. Однако очевиден дефицит качественной исторической периодики, особенно изданий, в которых публикация документов соединялась бы с соответствующим источниковедческим анализом. Осознание этого и побудило Academic Publishing House Researcher – научный издательский дом «Исследователь» во главе с доктором исторических наук А.А. Черкасовым – решиться на такой смелый шаг, как возобновление издания «Русского архива».

Редакционная коллегия намерена продолжать традиции «Русского архива», в первую очередь, публикуя источники, раскрывающие различные стороны жизни российского общества в разные исторические эпохи. Как и прежде, преимущество будет отдаваться еще

неопубликованным материалам, позволяющим по-новому взглянуть на историю России. Однако, опираясь на огромный публикаторский опыт «Русского архива» 1863–1917 годов и признавая выдающиеся заслуги предшественников, мы должны двигаться дальше. Как сказал Бернар Шартрский, «мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов, мы видим больше и дальше, чем они, не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием». Ведь с момента закрытия журнала прошло почти столетие, и с тех пор историческая и архивоведческая наука существенно изменились, а вместе с ними поменялись и представления об исторических источниках, возможностях их хранения, публикации, изучения и использования. Поэтому, наряду с самими источниками, которые будут занимать самую большую по объему часть журнала, предполагается публикация статей и сообщений по результатам исследований в области источниковедения и тесно связанных с ним научных дисциплин – архивоведения, археографии, палеографии, дипломатики, текстологии и документоведения. Что считать историческим источником? Какова взаимосвязь между историком и источником? Как отличить подлинный документ от подделки, фальсификации? Какие методы и способы изучения источников сегодня являются наиболее эффективными? Полагаем, что ответы на эти и многие другие вопросы появятся на страницах нашего журнала. Предполагается также публикация рецензий на сборники документов и источниковедческие труды, обзоров научных мероприятий и архивных выставок.

Надеемся, что материалы, увидевшие свет на страницах возрожденного «Русского архива», будут полезны и интересны как уже состоявшимся специалистам, так и только начинающим исследователям, аспирантам, магистрантам и студентам.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

УДК 930

Исторический источник: жизнь в контексте времени

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с природой исторического источника, особенностями его восприятия и существования в пространстве несвоевременной ему эпохи. Отмечается особая роль исследователя в его профессиональной жизни и возможностях постижения прошлого.

Ключевые слова: источник; методологические новации; «новая историческая наука»; междисциплинарность; квантификация; историческая нарративация; источники личного и официального происхождения.

Профессиональное занятие историей, как, впрочем, и любым иным рационально обоснованным видом деятельности, требует освоения и неукоснительного выполнения ряда предписаний. Одним из них является обязательное использование исследователем исторического источника, той единственной нити, которая связывает его с прошлым. При этом представления о природе происхождения самого источника, характере отображаемых им событий и прочитываемости на языке несвоевременной ему действительности предметом профессионального обсуждения становились нечасто. Источник воспринимался фотографическим оттиском прошлого, а его отношения с исследователем – вопросом в большей степени надуманным, нежели способствующим прогрессу исторического познания, который чаще всего оценивался по количеству введенных в научный оборот документальных свидетельств несвоевременной нам реальности. С течением времени ситуация существенным образом изменилась, а вслед за нею изменялись и представления о познавательных возможностях источника.

Изменения, происходящие в понимании природы исторического источника, его воздействия на воссоздание образов прошлого, оказались неизбежным следствием расширения области традиционного историописания. Уже со второй половины XX столетия, благодаря усилиям второго поколения «Школы Анналов», принцип междисциплинарности становится ведущей исследовательской стратегией постижения прошлого. Осознание его возможностей привело к становлению «новой исторической науки», выступавшей против «событийно-описательной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей», а также глубоко укоренившегося в сознании профессионального исследователя представления «о полной зависимости ученого от документа» [1]. В недрах «новой исторической науки», пожалуй, впервые со времен В. Дильтея источник ставился в прямую зависимость от творческой активности самого исследователя и решаемой им научной проблемы, определяющий не только отбор свидетельств прошлого, но и ракурс их освещения.

Идея междисциплинарности и поиски нового методологического синтеза привели к осознанию родовой близости истории и литературы; появлению представлений о труде историка как о литературном произведении, историческом нарративе, где неизбежно возникающая дистанция между источником и его толкователем (профессиональным

читателем) восполняется силой воображения последнего. При этом сам источник перемещается в плоскость породившей его культуры и рассматривается в качестве текста, вбирающего в себя разнообразные смысловые коннотации времени, пристрастия его автора и коллективные представления о значимости передаваемых событий. Таким образом, в пространстве нового междисциплинарного синтеза исторический источник окончательно утрачивает статус самостоятельного и внеположенного сознанию исследователя фрагмента реальности, все более наделяясь свойствами рукотворности происхождения и схожести с литературным произведением.

Дальнейшая ревизия представлений о природе исторического источника оказалась тесно связанной с общими изменениями интеллектуального климата, прежде всего в европейском научном сообществе, поставившем под сомнение саму возможность постижения реальности так таковой вне языка и создаваемого им текста. Лингвистический поворот конца 1980-х – середины 1990-х гг. «расколосило научное сообщество на историков традиционного (негативно настроенного по отношению к методологическим рефлексиям) мировоззрения и философски-ориентированных новых интеллектуальных историков, относящихся к традиционализму весьма критически» [2]. Однако, несмотря на сохраняющийся и по большей своей части сознательно культивируемый консерватизм, историки-традиционалисты сталкиваются с теми же проблемами методологического свойства, что и их более «раскрепощенные» коллеги – с необходимостью отбора, истолкования исторических свидетельств, а также их перевоплощения в связное повествование. Именно с исторической нарративной как продуктом творческой деятельности историка и возможностями ее сугубо научной верификации связаны дискуссии последнего времени. Традиционалисты видят в ней лишь форму материализации прошлого, одну из возможностей его репрезентации. В свою очередь, исследователи, склонные к методологическим рефлексиям, сопрягают ее с самим прошлым, полагая, что «лжи исторической на свете просто не существует, потому что история – это не то, что было, а то, что рассказывается и, тем самым, создает для развития человечества опору и прецедент» [3].

Постмодернистский вызов поставил под сомнение не только традиционные концепции исторической реальности, но и существование самого объекта исторического познания. В своем новом истолковании они выступают «не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной (речевой) практикой. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение» [4]. Проблематизируются само понятие и предполагаемая специфика исторического нарратива как формы воссоздания прошлого, подчеркивается его искусственный и до некоторой степени произвольный характер. От историка все чаще требуются литературоведческие навыки работы с текстом исторического источника, позволяющие ему вскрывать и анализировать содержащиеся в нем смыслы.

Распространение новых приемов критики текстов за пределы собственно художественных произведений оказало непосредственное воздействие и на методологию самого исторического исследования. В 1970–1990-х гг. возникает целое направление, получившее наименование «интеллектуальной истории» или «метаистории», где основное внимание уделялось соотношению произведения историка, исторического нарратива и исторического источника, отождествляемого с текстом. Новые интеллектуальные историки, стремясь выявить своеобразие логики исторической нарративной, привлекли внимание профессионального сообщества к стилистике, типам и особенностям ее композиции, используемым в ней понятиям, соотносительности проблемы исследования и социальных условий ее порождения, тексту исторического источника и возможностям его аутентичного прочтения. Методологические аспекты творчества историка и репрезентации результатов его деятельности, ставшие предметом профессиональной рефлексии, оказались весьма полезными для понимания самого процесса постижения прошлого и практик работы с историческим источником.

В данной связи нельзя не согласиться с замечанием О.М. Медушевой, отметившей, что «современные гуманитарии после всех филиппик против узости позитивистского догматизма в изучении именно письменных текстов, кажется, готовы признать, что каждый источник – это, прежде всего текст... В сообществе историков, столь активно отрекавшихся

ранее от знаменитой формулы позитивизма, происходит, по-видимому, некоторый поворот к объекту гуманитарного познания, к источнику» [5]. Постепенно возрастает осознание того, что полное знание фактов недостижимо, что единственная доступная исследователю реальность заключается в документе, в этом «следе, который оставили после себя события прошлого».

Эпистемологические вызовы последних трех десятилетий, фактически поставившие под сомнение сам факт возможности, а в ряде случаев, и целесообразности постижения реалий прошлого изменили не только привычные представления о природе и предназначении исторического познания, но и его основной опоры – исторической информации. Попытки вернуть истории утрачиваемые ею научные позиции привели к формированию источник-ориентированного подхода, представляющего собою по существу обновленную версию квантификации. Как отмечает Н.Б. Селунская, «опыт развития квантификации как направления породил на современном этапе сомнения даже в среде клиометристов относительно ранее высказываемых амбициозных претензий с их стороны о возможности открытия новых путей получения исторического знания». Его результатом стала известная трансформация самого направления в новое по своим теоретико-методологическим основаниям течение «историческую информатику» или «history and computing». Оно позиционирует себя как «антагонистическое» по отношению к квантификации, что проявляется, в частности, в полемике между «проблемно-ориентированным» и «источник-ориентированным» подходами. По заключению исследовательницы, данный этап специализации и дифференциации «квантификации» как историографического направления оказался вполне естественным и одновременно может рассматриваться в качестве болезни профессионального роста. Сторонники прочтения квантификации, как «источник-ориентированного» подхода к истории, ограничивают рамки квантитативного исследования лишь решением задач разработки компьютерных технологий для анализа исторической информации.

Однако как бы ни были значительны успехи в области разработки новых компьютерных технологий и программного обеспечения для работы с разного рода исторической информацией, что значимо и необходимо само по себе, они не могут рассматриваться в отрыве от развития историографического процесса в целом. В пространстве же декларируемого «источник-ориентированного» подхода даже источниковедческий аспект присутствует в редуцированном виде, что происходит вследствие утраты исторического подхода, как в источниковедческом анализе, так и исторической интерпретации источника. Основная цель «исторической информатики» состоит «в наиболее полном представлении информации источника в его компьютерной модели». При этом за ее пределами зачастую остаются источниковедческие характеристики извлекаемой информации, видовые особенности документального материала, которые «уже расцениваются как заслуживающие пренебрежения при рассмотрении лишь различий в способе кодирования информации, то есть на уровне типа источника: текст – статистика» [6].

В целом, оценивая усилия новой квантификации по созданию более точных и математически совершенных методов прочтения исторических источников, специалисты указывают на их крайне ограниченные возможности применения. В частности, отмечается, что «предложенный специалистами точных наук набор теорий и схем дает историку новые возможности для выбора и для последующей длительной аналитической работы по адаптации этих теорий “на своем поле”» [7]. Вместе с тем, «моделирование системы “народ – правительство” или описание социально-экономических систем вообще это задачи политологического или социологического, но не исторического исследования, которое может обрести свою жизнь лишь в пространственно-временных координатах, через плоть и кровь исторического источника» [8].

Обращение к социальной истории, которая в последнее время претендует на всеохватность человеческого бытия в целом и область междисциплинарного синтеза в частности, по образному выражению современного исследователя, «буквально взрывает традиционное источниковедение, создавая предпосылки беспредельного расширения, как проблематики, так и фактической базы исторических трудов» [9]. Историческая наука перемещается в плоскость разнообразной и не всегда явной пониманию исследователя

динамики человеческой жизни, раздвигая, тем самым, грани исторического познания. Исследование проблем социальной истории, ее установка на изучение истории «снизу», внимание к «мелочам и частностям» привносят новые акценты в работу историка с источниками. Даже в ситуации открытия многих архивных фондов исследователи продолжают «спорить, как приблизиться к пониманию существа социальных процессов, как воспроизвести истинные мысли, ценности, чаяния рядовых людей в условиях распространения двоемыслия и самоцензуры в обществе, считавшемся “хранящим молчание или говорящим лишь языком Сталина и официальной прессы”» [10].

Существенное значение, по заключению специалистов, для социальной истории имеют такие группы источников, которые отражают непосредственные взаимоотношения людей с государственными и общественными институтами. Среди них письма, обращения, заявления, жалобы, персональные дела, судебно-следственные материалы, служащие источниками для построения индивидуальных и коллективных биографий. Вместе с тем, их использование не только обогатило наши представления о советской эпохе, но и поставило ряд вопросов, в частности о соотношении информации и смысла в историческом источнике. Рассматривая данную проблему на примере следственных дел репрессированных, барнаульская исследовательница Н.В. Кладова отмечает, что «в настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что увеличение информации не обеспечило автоматически рост возможности ее осмысления и понимания. Напротив, увеличение потока информации, содержащейся в следственных материалах, не только не проясняет сущность описываемых в них событий, но усиливают ощущение абсурдности всего происходившего» [11]. Исходя из понимания прошлого как текста, требующего дешифровки, исследовательница пришла к выводу, что именно такой подход как раз и позволяет вывести понимание исторического источника «посредством новой неклассической парадигмы» на новый уровень. В ее рамках любой исторический источник предлагается рассматривать в качестве сущностно-содержательной модели реально происходивших событий, где следственные дела – «это своеобразная модель политического поведения различных страт советского общества, хранящая в себе информацию о его способах самоорганизации, формировании антиэнтропийного механизма и поддержании состояния неустойчивого равновесия в условиях модернизации властного типа».

Содержащаяся в этом виде исторического источника информация несет в себе два «слоя образов»: «образы, реально функционирующие в обществе, и образы, проецируемые бессознательно... Именно поэтому такие многослойные тексты, как следственные дела репрессированных, необходимо подвергнуть специфическим операциям, которые помогут обнаружить скрытую информацию, находящуюся в области бессознательной части психики, как самих создателей текста, так и тех, для кого он был предназначен» [12].

Однако в целом, несмотря на подчеркнута антропологически ориентированный характер, отечественное источниковедение оказалось неготовым к вызову социальной истории. Не произошло решительных перемен ни в области классификации, ни в представлениях о значимости видов и категорий источников. До сих пор «сохраняется знаковая модель источниковедческих приоритетов. Вначале предлагается изучать источники, характеризующие “заботу государства... о своей истории” – законодательные и нормативные акты, партийные документы, делопроизводственные материалы госучреждений и общественных организаций. В архивоведческой практике это нашло яркое выражение в сохранившемся с советских времен выделении категории “особо ценных” документов ... Показательно, что критерии особой ценности остались прежними, исходящими ... из государственных интересов» [13].

Наряду с попытками переосмысления значимости и места в структуре исторической наррации источников официального происхождения в пространстве социальной истории особую роль приобретает работа с источниками личного происхождения. Их «особость» видится, прежде всего, в созвучии миру повседневности. Дискуссия, развернувшаяся в отечественной историографии относительно возможностей использования различного типа источников в постижении «высокого смысла ежедневного существования», показала, что подавляющее большинство исследователей отдает безусловное предпочтение многоликим проявлениям человеческой памяти. Воспоминания, дневники, частная переписка, завещания людей минувшего времени рассматриваются ими в качестве единственно

доступного проводника в мир повседневной жизни наших предшественников. При этом отмечается, что «нет такого источника, в котором в той или иной форме не нашли свое отражение взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые пристрастия... Меняется лишь иерархия источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения» [14].

Однако перемена иерархии потребовала не столько смены источниковедческих предпочтений, сколько нового взгляда на проблему достоверности используемых исследователем свидетельств прошлого. Несколько лет тому назад была предложена схематичная, но, тем не менее, действенная типология источников личного происхождения. Они подразделялись на: «предназначенные для широкого круга читателей-современников или написанные в назидание собственным потомкам; адресованные друзьям, родным и знакомым; интимные мемуары, написанные, как правило, глубоко верующими людьми для немногих духовно близких людей. Разумеется, откровенность личных источников определялась не только тем, для кого они создавались, но и психологическими особенностями их авторов. И все же можно утверждать, что информация из последней (самой малочисленной) группы источников дает исследователю возможность проникнуть в подлинный духовный мир людей» [15].

Рассматриваемая типология, исходящая из принципа «психологической достоверности» источника, как и любая иная схематизированная версия, грешит некоторой абсолютизацией собственных возможностей. Во-первых, в ее пространстве исчезают различия между достоверностью передаваемой информации и откровенностью повествователя. Во-вторых, для эпохи официального торжества атеистического мировоззрения и превращения обыденной жизни в ежедневный подвиг, основными источниками «личных впечатлений» становятся дневники, письма во власть, жалобы и доносы. Стремительно меняющейся ритм жизни в пореволюционной России влечет за собою поиск новых более оперативных форм воздействия на «живую историю». Советский человек в меньшей степени, нежели его предшественник XIX в., стремился литературно осмысливать происходившие с ним изменения, он в большей мере хотел быть и во многих отношениях являлся их активным участником. Именно это обстоятельство определяет и окрашивает собою весь корпус советских источников личного происхождения.

Наглядным подтверждением тому являются фонды личного происхождения, комплектация которых производится самими фондообразователями (в данном случае гражданами), а отбор осуществляется соответствующими архивохранилищами. Отмеченная двойственность на уровне «комплектации – отбора» неизбежно сказывается на содержании и характере поступающих в архивы документов. Существующая на сегодняшний день практика образования фондов личного происхождения исходит из принципа общественной значимости конкретного лица и масштабов его деятельности. В поле зрения официальных архивохранилищ, как правило, попадают далеко не обычные люди, а те, чьи судьбы и жизнь в той или иной степени оказываются связанными с историей страны в целом или ее отдельных населенных пунктов. Осознание этими людьми (либо их наследниками) сопричастности к «большой истории» формирует видовой корпус отбираемых ими источников, представленных в основном документами служебной и общественной деятельности, автобиографическими материалами, в незначительной степени личной перепиской и дневниками.

Так, Национальный архив Республики Адыгея на сегодняшний день представлен 21 личным фондом, треть которого продолжает пополняться. Среди его фондообразователей – представители творческой интеллигенции (артисты, врачи, ученые), участники Гражданской и Великой Отечественной войн, известные общественные деятели. При этом инициатором образования фондов выступает сам архив, что, собственно, предопределяет не только характер находящихся в них документов, но и их исследовательские возможности. Статус «архивного документа», получаемый такого рода свидетельствами прошлого, вовсе не означает их автоматического перевода в разряд интересных и информативных собеседников для тех, кого интересует мир повседневной жизни наших предшественников и современников. Тем не менее, несмотря на преимущественно публичный характер документов, представленных в личных фондах (трудовые книжки, производственные характеристики, благодарственные письма и наградные листы), они помогают понять

принципиально важные вещи. Каким образом происходило выстраивание стратегий жизнедеятельности людей прошлого, каким из элементов этих стратегий отдавались предпочтения, и предлагалась долгая жизнь, а какие подлежали забвению и обрекались на исчезновение, не находя отражения в документальных свидетельствах времени.

Практически однотипные и мало чем отличающиеся друг от друга материалы личных фондов, прежде всего, говорят языками своих создателей и отражают общепринятые представления об успешности и состоятельности людей своего времени. Показательно, что практически все они лишены бытовой составляющей и нацелены на канонизацию образа своих владельцев. Казалась бы, исследовательская значимость таких источников предельно сужена и может рассматриваться лишь иллюстрацией к наиболее памятным событиям исторического прошлого. Однако благодаря различного рода эпистемологическим прорывам последнего времени, они получают «вторую жизнь» и перемещаются в плоскость самостоятельных величин. В данной связи материалы личных фондов представляются «артикуляцией жизненных историй – той деятельности, через которую в жизнь привносятся смысл и цель». По мнению польского социолога З. Баумана, «как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмешиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается и о ней становится возможным рассказать» [16]. В отличие от рассказанных историй истории письменные задают определенные каноны этой жизни, тем самым, закрывая для исследователя многие ее горизонты и «факультативные» подробности.

Вместе с тем, несмотря на открывшиеся новые возможности диалога с прошлым, фонды личного происхождения оказываются менее востребованными по сравнению с иными архивными документами. В том же архиве большой популярностью среди исследователей пользуется фонд почетного гражданина города Г.П. Шапошникова, содержащий разнообразный историографический материал по истории г. Майкопа и, по сути, представляющий собою отражение его жизни в дореволюционных и современных публикациях. Его востребованность объясняется как сугубо объективными обстоятельствами (наличием в архиве лишь одного дореволюционного фонда), так и текущей конъюнктурой, связанной с юбилеем города. Более того, сам фондообразователь является обладателем репутации «известного майкоповеда», выступает автором книги по истории города и слывет ее знатоком. Остальные фонды, к сожалению, пока еще ждут своего внимательного читателя и нуждаются в более масштабном и грамотном представлении.

Не менее действенными, хотя и более скромными возможностями в передаче «жизненной атмосферы» времени обладают и официальные источники – многочисленные документы всевозможных органов власти, общественных организаций и политических партий. При всей их сухости и малой информативности в интересующей историка повседневья области изучаемого прошлого, они несут на себе публичный образ эпохи. В нем находят свое отражение правовые, идеологические, мировоззренческие и материальные ограничения времени, в пространстве которых действует и живет большинство его современников. Правда, особенности комплектования отечественных архивов привели к преобладанию в них партийно-государственной документации, в результате чего вопросы, интересующие историка советского повседневья, получили в них крайне неравномерное отражение. По остроумному замечанию современного исследователя, «большинство материалов, которые попадают в архивы, представляют собой заботу государства о самом себе, о своей истории, а не истории общества, в котором мы живем, и историк, обращаясь к ним, зачастую оказывается в роли чужака в чужой стране» [17].

Помимо скудости свидетельств и тенденциозности предоставляемой информации, источники официального происхождения отличает и такое любопытное свойство, как герметичность или крайне плохая проницаемость. Оно сводится к повсеместной констатации источником рассматриваемых явлений или фактов, не сопровождаясь при этом каким-либо внятным пояснением или реакцией соответствующей инстанции. Так, работая с протоколами организационного бюро Адыгейского областного комитета партии, исследователь очень часто наталкивается на ряд «закрытых» вопросов: поставленные в повестку дня, в своей «решающей» части они снабжены пометкой «не для разглашения». Среди подобного рода вопросов – зарплата ответственного редактора областной газеты, бытовые преступления в области, квартиры для ответственных работников, оплата суточных

выезжающим в область коммунистам, злоупотребления, «имеющие место в низовых комитетах крестьянской взаимопомощи».

Весьма показательно, что степень неразглашаемости того или иного вопроса зачастую оказывается никак несвязанной с его секретностью или уникальностью. Не разглашая состояние бытовых преступлений, организационное бюро подробно в форме многостраничного доклада освещает политическую ситуацию в области на 1925 г., отмечая «целый ряд негативных явлений в этой сфере» [18]. Не меньшие «странности» сопряжены и с нежеланием партийных органов «делиться» полученными сведениями по обсуждаемым вопросам. Практически все из них, тем или иным образом тяготеющие к «бытовому свойству», сопровождаются грифом «принято к сведению» или «заслушано». В течение нескольких заседаний высший партийный орган области засушивал отчеты о бытовом положении рабочих кенафных плантаций, и каждое из этих заседаний сопровождалось простой отметкой в протоколе о «заслушивании вопроса» [19].

Столь «равнодушно ревнивое» отношение власти к бытовой стороне жизни общества, прослеживаемое по одному пласту официальной документации наталкивается на огромный противовес постановлений той же самой власти по «улучшению бытовых условий жизни трудящихся». Источниковедческий парадокс, складывающийся в этой ситуации, свидетельствует, прежде всего, о предпочтениях власти и ее безусловной ориентации на хозяйственно-политическую составляющую развития общества. Существование быта и его значимости в жизни советского человека никогда не оспаривалось официальной властью. Однако, ее собственные представления о нем, находившие отражение в кампаниях по «выкорчевыванию многочисленных буржуазных предрассудков населения, его пристрастий к кисейным занавескам и желтым канарейкам», отводили этой стороне жизни общества весьма скромное, но идеологически обоснованное место. Следы этой «обоснованности» как раз и прослеживаются в источниках официального происхождения.

Новая методологическая ситуация и порождаемые ею эпистемологические соблазны расширяют источниковую базу исторических исследований и одновременно «выдвигают принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и субъекту исследования, а также используемых источников» [20]. Вместе с пониманием неоднозначности природы исторического источника, необходимости не столько правильного его прочтения, сколько нахождения внятных ему вопросов появляется и потребность в осмыслении его возможностей. Любой профессиональный историк, приступая к разрешению какой-либо задачи, начинает с анализа находящихся в его распоряжении источников. Причем, выстраивая логику изложения события, он редко задумывается над тем, каким образом используемое им свидетельство прошлого встроено в современную исследовательскую практику, как попало в поле зрения специалистов и насколько предопределило перспективу развития самой научной мысли. Более того, мало кто из профессиональных исследователей прошлого задается и вопросом о характере взаимоотношений, складывающихся между историографической традицией и постоянным расширением комплекса вводимых в научный оборот документальных систем.

По заключению В.П. Козлова, «пятнадцать последних лет в России характеризуются прорывом в “практической историографии”, связанным с массовым изданием разных видов исторических источников, целых документальных комплексов различных исторических эпох, и в первую очередь по истории XX века» [21]. Однако самыми серьезными прорывами, пришедшими приблизительно на тот же период времени, историческое знание обязано не документальному «буму», а «теоретическим мятежам» последней трети минувшего века.

Примечания:

1. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. С. 228–229.
2. Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения. URL: <http://avorhist.narod.ru/publish/istved1-2-14.html> (дата обращения: 12.02.2012).
3. Эко У. Баудолино. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 535.
4. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. Указ. соч. С. 245.
5. Медушевская О.М. Указ. соч.

6. Селунская Н.Б. От квантификации к исторической информатике – от исторической к виртуальной реальности? URL: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/19/32.shtml> (дата обращения: 23.02.2012).
7. Математическое моделирование исторических процессов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1996. С. 16–17.
8. Селунская Н.Б. От квантификации к исторической информатике – от исторической к виртуальной реальности?
9. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. С. 364.
10. Там же. С. 365.
11. Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: соотношение информации и смысла в историческом источнике. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/74-79.html> (дата обращения: 23.02.2012).
12. Там же.
13. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. С. 365.
14. Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО–XX, 1996. С. 377.
15. Там же. С. 378.
16. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 9.
17. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. С. 65.
18. Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея». Ф. Р-1. Оп.1. Д. 24а. Л. 119.
19. Там же. Д. 181.
20. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. С. 64.
21. Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М.: РОССПЭН, 2008. С. 3.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

УДК 908/929

**Обыкновенная история «маленького человека»
(Записки муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова)**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии:

¹ Евгения Ивановна Сазонова² Юрий Михайлович Смирнов

¹ Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
602267, Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, 13
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

² Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
602267, Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, 13
главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

Аннотация. В дневнике муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова (1815–?) отражена жизнь «маленького человека» из провинции, избравшего занятия торговлей своей жизненной стезей. Это история выходца из небогатой семьи, который трудом и самообразованием достиг определенных успехов, однако потерял все из-за пьянства. Записки фиксируют многие стороны быта и взаимоотношений жителей старинного купеческого города и подкупают своей откровенностью, обращаясь к тем сторонам личной жизни, о которых тогда вслух не говорили.

Ключевые слова: Гладков; вино; дневник; записки; мещанин; Муром; пьянство.

В пятницу, 2 июля 1815 г., в Муроме в мещанской семье Ивана Михайловича Гладкова и его жены Прасковьи Яковлевны родился сын Александр. Он был крещен в церкви Иоанна Предтечи священником Афанасием. Церковь находилась в центре города, рядом с торговой площадью. Крестным отцом был двоюродный брат отца – Федор Иванович Гладков, а крестной матерью – бабушка, Фекла Ильинична Сверлова. Жизнь этого человека так бы и осталась неизвестна, если бы ни его дневниковые записи. Каким-то образом они уцелели и попали в руки муромскому жителю А.Г. Иванову, который на короткое время предоставил их сотруднице Муромского историко-художественного музея. Она, в свою очередь, сделала ксерокопию части этих записей. Где сейчас находится оригинал – неизвестно. Таким образом, к сожалению, в музее имеется неполная копия этой замечательной рукописи.

Подлинная рукопись представляла собой конволют – сборник записей разного содержания. Здесь, кроме собственно дневника-ежедневника, были письма, квитанции, рецепты, приходно-расходные документы. Дневник написан черными чернилами на свободных листах приходно-расходной книги с размером листа 24,5 X 39,5 см. Именно поэтому пагинация дневника начинается с оборота 97 листа. Изложение достаточно грамотное. Во всяком случае, если сравнить его, например, с письмами героя русско-японской войны, уроженца Мурома инженер-механика В.В Зверева, окончившего городское реальное училище и затем Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте [1], наш самоучка, несомненно, достоин более высокого балла.

Записи Александра Гладкова уникальны своей откровенностью, может быть, потому, что, скорее всего, не предполагались для прочтения ни детьми, ни внуками, ни кем-то иным. В них нет даже намека на пафосную назидательность. Эти записи вел не просто «маленький человек», а человек из тех, кого принято называть «горьким пьяницей», который осознавал

свою беду и боролся с ней как мог, «всеми силами своей души». Александр Иванович описывает свою жизнь подробно и откровенно, не приукрашивая свои поступки, порою стыдясь того, что натворил в пьяном угаре. Периоды надежды и твердой решимости раз и навсегда покончить с пороком сменяются осознанием собственного бессилия – и это хорошо видно по нарастанию ряда тех святых, которых он призывает себе в помощники.

Все записи автор поделил на три раздела: «Жизнеописание» – о своей частной жизни, «Записи о погоде», «Явления в мире народа» – о городских событиях и о жителях города Муром.

Дневник начинается с *curriculum vitae*, озаглавленного им «Краткий очерк моей жизни», куда входит период до 1851 г. Опуская описания детства, которое едва ли было безмятежным, Гладков вспоминает свое трудовое отрочество. Далее, до 1863 г., когда начинаются ежедневные записи, Александр подробно восстанавливает свою трудовую биографию, пользуясь, по-видимому, какими-то ранними заметками, сохранившими многие детали. Фиксируются многочисленные переезды, типичные для торгового люда того времени [2], прослеживается и его «карьерный рост», весьма неплохой для необразованного, но сообразительного и смышленного молодого человека из провинции. С потаенным самоудовлетворением отмечает автор дневника заработки, которые на заре его трудовой деятельности позволяли материально обеспечивать не только родителей, но и сестер, и братьев. Здесь указана и горькая дата, которую он считает «началом пьянства», и причина этого поступка; на полях надпись: «10 июля 1854 года день начального моего пьянства и день памятный». По дальнейшим отрывочным сведениям в дневнике можно даже представить круг его чтения; видимо, не хотелось отставать от муромского купечества, которое было читающим [3].

«В Муроме почти все население – особенно его верхи, купечество, было между собою сродни, – писал через полвека еще один мемуарист, В.В. Стратонов, ученый-астрофизик, волею судеб занесенный в Муром. – С чужими родниться не любили... Было несколько фамилий, которые в городском населении повторялись несчетное число раз... Суздальцевы, Зворыкины, Мяздриковы, Тагуновы и еще две-три других» [4]. У автора дневников (кстати, Гладковы – фамилия тоже известная и распространенная в Муроме) в круг родственников входили уже упомянутые Мяздриковы, а также Дегтяревы, Стуловы, Перловы, а жена Александра происходила из рода купцов Тагуновых. Она родила ему тринадцать детей! Большинство из них умерло в младенчестве, до взрослого возраста дожили только четверо: сыновья Павел, Константин, Иван и дочь Павла. Проживал Александр Гладков в доме своего отца на улице Троицкой (современная улица Плеханова), через два дома от усадьбы «барина Дмитрия Сергеевича Епишева». Естественно, что в небольшом городе у семьи был обширный круг знакомых, которые в связи с разными событиями упоминаются в записях, складывающихся в серию эскизов бытового и праздного общения горожан; о делах говорится мало, поскольку автор постепенно лишается доверия и уважения своих бывших партнеров и родственников, погружаясь в то состояние, когда от всех родственников, знакомых и незнакомых ему требуется только одно: поднести вина.

Еще одной нетипичной особенностью для провинциальных дневников того времени является описание – пусть и очень сдержанное – интимных отношений Гладкова с женой (и не только). Дав зарок «удерживаться прелюбодеяний и любодеяний», Александр нарушает его, причем занимается «этим» в непопозволенные сроки и неподобающих местах. Именно это его и мучает, и заставляет в инвективной лексике фиксировать все нарушения [5].

Дневниковые записи обрываются 14 ноября 1865 г.

Дата смерти автора дневника, к сожалению, остается не выясненной.

При публикации сохранена нумерация листов дневника. Примечания публикаторов о характере записей даны курсивом.

Записки А.И. Гладкова

Л. 97об.

Краткий очерк моей жизни по 1851 год

Учился грамоте в Муроме у жены священника Николы Набережного [6] Ивана Родионовича. Только выучил Часовник [7], потом отец учил писать, немного арифметики.

Писать я немного мог по складам, и то с трудом, и арифметику знал тоже плохо. И тут меня отдали в поднощики [8] по открытию подле Казенной операции откупов [9]. С 1827 года я поступил первый раз в поднощики в Нижнем [10] в Щелчковский П. Д. [11] к сидельцу [12] муромскому Михаилу Иванову Гундобину [13]. С 13-го года от рождения я терпел нужду, а в праздное время вникал в науки. С 1827 по 1831 был в поднощиках в Нижнем и в Муроме. 31, 32, 33 и 34 года был во Владимире в поднощиках и сидел в питейных заведениях с отцом. В 1835 году отец отправился в Тотьму [14], а я с матерью в Муром, и первый раз пристал в сидельцы, и первый раз был на выставке [15] в Беляве [16], в деревне, в масленницу, и в первый раз сидельцем в питейном, в экипажном [17]. И в 35, 36, 37 и в половину 38 года был сидельцем в Муроме, но в 38 году стал судиться с управляющим мировым [18], и за это был отказано от должности. В 1839 году ездил в Нижний, был в поднощиках, и в этом же году был в поднощиках в Горбатовском уезде в селе Богородское. А в 39 году приехал в Муром, опять пристал в сидельцы. Сидевши в Притыкином П.Д., в конторе украли деньги, 140 рублей ассигнациями [19], и за это судили. Но кое-как выплатил эти деньги, но от службы отказали.

Приписки на полях:

Претерпевал горе, нужду и все неприятности.

37 лет я прожил. Города видел, ни копейки в запасе не заложил.

В 1840-м году уехал в Нижний и, по ходатайству Нижегородского уезда села Борисова крестьянина Ивана Кузьмича Обраскова, вызван был отец из Мурома и помещен в сидельцы в село Константиново, а потом еще дано мне место в Богоявление, и просидели до 42 года, а смещены по приказанию дистанчного [20] Козакова. За доказательства отца моего на прежде бывшего дистанчного Константинова, в 43 году отец сидел в... <одно слово неразб.>, а я в Нижнем, и бывши в крайнем положении, уехали по сему в Муром. В 1844 г. в содержании арзамасской купчихи Студенцовой я сидел в Муромском уезде в селе в Новоселках, тут очень поправлен, но как сменился, тут же был уволен. Потом, в 44-м же году, отправился в Гороховец и сидел в 2-х местах в Гороховецком уезде в селах в... <неразб.> и в Мыте. И тут, проживши рублей 300 ассигнациями, отправился в Муром.

В 1845 году принят был в Арзамасе Александром Михайловичем Заяшниковым [21] в поверенные [22], а отправлен в Астрахань под дирекцию управляющему Павлу Ивановичу Кокуеву [23]. И в первый раз поступил в поверенные с 11 апреля 1845 года, и прослужил в Астрахани 45 и 46 года, бывши частным пивным подвальным расходчиком [24] и мучным приказчиком [25]. В Астрахани разочтен за оба года из 1000 рублей ассигнациями.

В 1847 году отправился по приглашению в Сибирь в Томскую губернию. С 47 года полный был в Барнауле... <одно слово неразб.> дистанчным, и тут, в Т... <неразб.>, прежде бывший дистанчный Яков Романов А<неразб>ов убил было из ружья свою жену. Конец 47 года, 48, 49 и 50 года служил в Кузнецке, бывши дистанчным. 2 раза в Верхотомской Дистанции и 1 раз – в Сало<неразб.>скай дистанции. За всю службу от Сибири разочтен за 2 с половиной года из 600 рублей серебром и за полтора из 700 рублей.

1851 год

По приглашению господина Кокуева выехал из Томска 23 февраля. Приехал в Муром 12 числа, а выехал 18 марта. В Саратов приехал 28 марта, по саратовскому откупу поступил Новобурсовским дистанчным. 5 апреля Карабулакским дистанчным. С 1 сентября и кончил этот год Карабулакским дистанчным, разочтен за этот год из 450 рублей серебром. И в этом году вздумало общество вытребовать и чтоб отдать в солдаты. Это стоило 70 рублей серебром [26].

Л. 98

1852 год

До 22 февраля был Карабулакским дистанционным, а с 22 февраля поступил смотрителем [27] на пивоваренный завод. В мае еще поручили смотреть за купеческими пивоваренными заведениями 3-мя: Денисовым, Рыбакиным и Рытовым. Октября 8-го числа передали под мой надзор все водочные специи. И этот год расчет из 450 рублей серебром.

Приписка на полях: Счастлив.

1853 год

Весь этот год был смотрителем над заводами и иногда занимался по питейным домам. За этот год разочли из 450 рублей серебром.

Приписка на полях: Счастлив.

1854 год

По 12 июля был смотрителем заводов, но как за 8-мь месяцев были запущены ведомости по купеческим пивоварням, а запущены были потому, что в зимние месяцы больше было пивоварения, и как на 3-х купеческих пивоварнях были 2 поверенных, а один из них Архаров на рыбакиным и на рытовым заводах – человек не трезвого поведения – запустил книги [28], и посему нельзя было скоро составить ведомости. А май и июнь занимался закупкой дров и поверкою подвалов. А в это время распорядился в Саратове Буналев, а Павел Иванович был в Петербурге, а, приехавши из Петербурга в июле, заставил подать пивные ведомости. Но я отпрашивал до сентября, чтоб сложили штраф, но они этого не хотели сделать, и потому я сказал, чтоб с заводу меня сменили, за этим дело не стало. И 12-го июля назначили меня сменить

Л. 113

поверенным образцовым, который был смотрителем 1 год и 1 месяц (он сменял Николая Иванова Титова). Отчитавшись, я за завод 22 июля и по 30 августа составлял и переписывал ведомости купеческих пивоварен, а 2 сентября меня уволили и разочли из 450 рублей серебром и выдали отчетную квитанцию. А 4 сентября опять приняли и даже предписали старшего сверхчастного поверенного [29], и последнее время года рассчитывали из 500 рублей серебром. В декабре я отличал учет за дистанционного Широкова по Озерской дистанции за болезнь Широкова. Штраф мне был прощен. Но с 10 июля в моей жизни настал другой период. Это было от роду мне 39 лет, и с начала 40 года я разрешил простое вино [30] пить от большой обиды и даже напрасной, нанесенной мне комиссионером [31] ростовским 1 гильдии купцом Павлом Ивановым Кокуевым.

Надпись на полях: 10 июля 1854 года день начального моего пьянства и день памятной.

1855 год

До 14 августа занимался старшим сверхчастным поверенным, а потом, по 2 ноября Карбулакским дистанционным поверенным. 2 ноября, ехавши из Карбулака, потерял все документы. Все-таки Павел Иванович опять посылал отличать. Но я, напившись пьяный с кучером Красильчиковым, не поехал, и вместо меня послали поверенного Кащеева. Павел Иванович несколько пожурил и с неделю поводил, но все-таки я этот год дослуживал сверхчастным без прибавления старшего, и этот год рассчитали из 500 рублей серебром, но обошли наградой как на этих постах выдавали по 50 рублей серебром.

В этом году требовали в Муром в ратники [32], и мне это стоило до 200 рублей серебром. Отдали в ратники брата Михайлу, пошел охотой.

Л. 113об.

1856 год

По 10 марта занимался сверхчастным поверенным, с 10-го августа дистанционным Поозерской дистанции. 5 августа вечером взошел к Павлу Ивановичу не трезвый, и за это уволен из дистанции, и 12 дней Павел Иванович водил и сердился. Потом занимался сверхчастным по 22 сентября. 22 сентября поступил на завод смотрителем. Но случился такой дурной перелом – Павел Иванович оштрафовал брата Владимира. Сидел в Кувьки за промен денег 10 рублей серебром, и безовремя я, разгорячившись, написал записку небрежно, чтоб и меня уволил. Это было 6-го октября в воскресенье в обед, а вечером, напившись пьяный, и разругался с поверенным Рябухиным, и обругал Павла Ивановича. А 7-го октября назначили мне смену поверенного Ревилева (а я сменял Фалелова, который

был смотрителем 1 год 2-ва лица и послан в Хвалынск последнее время управлять). Смена производилась до 14 октября, а 17-го уволили, а 18 октября рассчитался и получил аттестат и паспорт. И как жалованье [33] было за брата по 1 ноября из 450 рублей серебром, то прощено. Итак, я служил у Заяшникова и Стобеуса в Астрахани 2 года, в Сибири и 4 года, в Саратове без малого 6 годов. Всего 11 годов 6 месяцев и 7 дней, то есть с 1845 с 11 апреля по 1856 по 18 октября под одним распоряжением Павла Ивановича Кокуева. Жалко только, что не дослужил до конца содержания 2 месяца 13 дней, то есть до 1857 года с начала

Л. 114

и по окончании службы у Заяшникова и Стобеуса. Я денег ничего не нажил и в это время не имел.

С 22 октября я поступил в новые дела. С 1857 по 1859 год к содержателю [34] Екатеринославской губернии к бердянскому 1 гильдии купцу Герасиму Игнатьевичу Дашкевичу, и принят на службу его главноуправляющим уфимским 2 гильдии купцом Михаилом Николаевичем Бубновым, и с приема условился мне положить жалованья 360 рублей серебром в год. Но, прослуживши по 4 февраля 1857 года, то есть 3 месяца и 14 дней, по каким-то причинам был уволен за пьянство или за другое за что. И за всю службу получил 70 рублей серебром из 20 рублей серебром в месяц.

С 4 по 26 февраля проживал в Саратове без должности.

26 февраля выехал из Саратова, а 11 марта приехал в Муром. Просился в Муроме на службу у содержателя Киселева и управляющего Василия Самойлова, но не приняли.

11 числа апреля отправился в Нижний Новгород, а 13 прибыл в Нижний 16 часов. Являлся к комиссионеру Василию Ермолаевичу Сапожникову, а 19 апреля принят на действительную службу и послан в уездный город Сергач в дистанционные поверенные. Служил в Сергаче содержателям Николаю Гавриловичу Рюмину и Барону Фиттенгофу. Сперва был управляющий по июнь месяц Андрей Николаевич Калмыков, а потом Павел Федорович Тибенихин. И я тут зассорился с ревизором Василием Егоровым Полозовым. За это или за пьянство, за последнее более, был уволен 22 июля. И служил в Сергаче 3 месяца 2 дни, а жалованья получил за 2 месяца и 28 дней из 30 рублей в месяц 18 рублей.

Л.?

1857 год

26 июля отправился из Сергача, оставил в Сергаче семейство в бедном положении. В Нижнем прожил по 15 августа без дела и продал шинель [35], и монеты, потом отправился из Нижнего в Казань и прибыл 19 числа. А 20 числа августа был кандидатом, через 40 дней принят был в действительную службу к содержателям Степану Дмитриевичу Воронину и Василию Семеновичу Каншину комиссионером Александром Алексеевичем Коробановым, в Казани управляющим Иваном Тимофеевичем Селюгиным. Поступил на службу 28 сентября, но за 3 дня жалованья не выдали, а за октябрь месяц положили жалованья 20 рублей серебром. Занимался частным и сверхчастным. За ноябрь месяц 20 рублей, за половину декабря – 10 рублей (в декабре ездил с ревизором Львом Яковлевичем Ключевым ревизировать города Т...<неразб.>, Спасск и Л...<неразб.>). Потом отправлен в Чебоксары в дистанционные поверенные в Беловольскую дистанцию. За вторую половину декабря отличал, и получил жалованья 15 рублей. А принял дистанцию от поверенного Николая Егорова Полозова в Коловратном.

Для меня время с ноября 1856 года по 1 января 1858 года, то есть в 14 месяцах: служил 9 месяцев, а 5 проживал без дела. В 9 месяцев получил жалованья за 3 месяца 70 рублей: по 23 рубля 33 коп. в месяц. За 3 месяца с Рюмина и Фиттенгофа 90 рублей: по 30 рублей в месяц. С Каншина и Воронина за 3 месяца по 65 рублей, по 21 рубль 67 копеек. Всего в 9 месяцев 225 рублей, по 25 рублей серебром в месяц. А сочли за 14 месяцев по 16 рублей по 7 копеек в месяц.

Приписка на полях: Переезжали. Словом сказать, черный год.

Л. 129

1858 год

Января с 1-го и по 15 марта занимался в чебоксарском откупе дистанционным поверенным по Беловольской дистанции. А с 15 марта по городу Чебоксарам сверхчастным поверенным по 17 мая. В это число отказали. Служил у Воронина и Каншина всего 7 месяцев 20 дней, а жалованья получил за 7 месяцев и 17 дней на сумму 194 рубля 14 копеек. Получил за 2 месяца по 20 рублей, за 2 месяца по 30 рублей, за 2 месяца и 2 месяца 17 дней по 25 рублей. С 17 мая по 20 июня жил в Чебоксарах без должности, а 20 отправился в город Симбирск в кандидаты в содержание Николая Павловича Шипова. По изложенному правилу должен служить и заниматься 15 дней без жалованья, а по истечении 15 дней получать по 7 рублей в месяц впредь до вакансии действительной должности. И так занимался кандидатом по 24 августа. Но, прибывши в город Буинск [36] сверхчастным поверенным, и стал получать жалованья с 1 сентября поэтому служил кандидатом 2 месяца 5 дней получил жалованье 10 рублей 12 копеек, а сверхчастным 1 месяц 14 дней получил жалованье 30 рублей. Всего служил у Шипова 3 месяца 19 дней, а жалованья получил 40 рублей 12 копеек: по 11 рублей в месяц. В Буинске уволен 14 октября, по 22 октября прожил в Буинске без должности, а 22 октября отправился в Муром. В Ардатове Симбирской губернии прожил 2 дня, подрывая ямщиков [37]. В Муром приехал 5 числа ноября и по 1 января жил в Муроме в родительском доме без должности, без занятия и в бедности, без всякого промысла.

1859 год

Января 1-го в Муроме без должности и все жил в доме по 13 марта. Пропитание сыскивал через посредства отца и тещи. 13 марта

Л.?

отправился в город Нижний. Прибывши в Нижний 15 марта, а принят на службу при комиссионере Николае Павловиче Трайзе управляющим Александром Ивановичем Чекиным. 16 марта по 26 апреля служил сверхчастным поверенным, а с 26 апреля дистанционным Слободской дистанции по 13 июня. Сменили меня из дистанции управляющие Иван Трофимович Куприянов и Александр Матвеевич Немцов поверенным Иваном Васильевичем Каншиным. С 13-го же июня по 3-е июля был сверхчастным поверенным, а с 3-го июля, да и в день моего тезоименитства [38], в такой день получил несчастье быть уволенным.

От Буинской службы до Нижегородской был без должности 5 месяцев, то есть 152 дня. В Нижнем служил при содержателях Екатеринославской губернии бердянском 1 гильдии купце Герасиме Игнатьевиче Дашкевиче, саратовском 1-й гильдии купце Петре Федоровиче Тюльпине и зяте его греке Шортане Бароне и баронессе Кор. Всего моя служба продолжалась 3 месяца 18 дней, то есть 110 дней. За 2 месяца 18 дней получил жалованье за сверхчастного из 25 рублей 67 рублей 25 копеек, а за 1 месяц за дистанционного 35 рублей. Всего получил жалованья в Нижнем сто рублей.

Служба моя продолжалась несчастливо, особенно бывши дистанционным в 48 дней: 1-е – раздрался с сидельцем, темниковским мещанином Егором Николаевым Таракановым, который на меня показал, что я с него взял 3 рубля серебром в подарок. 2-е – отчитывался поздно по случаю печерской выставки. 3-е – кассир Афанасий Данилов Зосимов за перерасход в 80 рублей серебром взявши из печерской выставки, и эта выставка путала всю отчетность,

Л. (129)

и поэтому на меня сердились управляющие и конторщик, и впоследствии с нас с конторщиком Шапошниковым вычли. И так живу без должности, и все за пьянство и болтливость языка.

По истечении пяти лет моего пьянства, а за него бедствий и страданий, вздумал 10 июля просить у милосердного бога помилования от сего злого страдания. Выменял образ Михаила Архангела [39], Антония Печерского преподобного [40], Александра, обители неусыпающих мученика Вонифатия [41] и мученицы царицы Александры [42]. Прошу и умоляю вас, угодники божи, умолите за меня Всещедрого бога, чтобы мне избавиться от

сего зла, страдания на всю мою жизнь. Я же обещаюсь каждый год служить вам молебны 10 числа июля и мученику Вонифатию 19 декабря, и удерживаться прелюбодеяний и любодеяний.

Прошу и сими молитвами:

«Господи Иисусе Христе, сыне Единородный, безначального твоего отца рекл еси, яко без мене не можете, творите ничто же, Господи мой. Господи в руке об ем в душе моей и сердце, тобою реченная, припадаю твоей благости. Помози грешному сие дело (отстать от пьянства) мною начинающееся о тебе самом совершите во имя Отца и Сын и Святого Духа. Аминь.

Живы в помощи Вышняго, в кровь Бога Небесного водворится, речет господети. Заступник мой еси, и прибежище мое, Бог мой, и Уповаю на него: яко той избавить тя от сети ловчи и от словеси мятежна. Плещма своима осенит тя, и под криле его надешися. Оружием обыдет тя истинна его. Неубоишися от страха ночного, от стрелы летящие в дни, от вещи во тьме преходящая. От оряца и беса полуденного

Л. 205

падет от страны твоя тысяща и тьма оденет тебя. К тебе же не приблизится обаче очита(...) смотриши. И воздаяние грешников узриши, яко ты Господи упование мое вышняго положил еси прибежище твое. Не придет к тебе зло, и рана приблизится телесе твоему, яко ангелом своим заповысть о тебе, сохраните тя во всех путях твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска не отступиши, и попереши льва и змия яко на мя упова, и избавлю, и покрюю и, яко позна имя мое воззовет ко мне и услышу Его с ним в скорби, изму Его, и прославлю Его, и явлю Ему спасение мое (и мене от злого пьянства).

Помяни Господи царя Давида и всю кротость его. И укроти Господи против меня пьянства начальников подчиненных и всю сотворенную тобою тварь».

Ода «Бог»

О, ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества.
Дух всюду Суций и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – Бог! [43]

Ноября 29 поступил в Муроме по ходатайству Ивана Прокофьевича Зворыкина на службу по акцизно-откупному комиссионерству при содержателях Ионе Ивановиче Курелкове и Григорье Никитьевиче Вишнякове с товарищами (но после было слышно, что Курелков свою часть передал Вишнякову). А принят управляющим Семеном Васильевичем Никитенко (как видно из фамилии, что он из малороссиян, будто бы из однодворцев [44]). 29 и 30 ноября был на винокурном графа Уварова [45] Акуловском заводе. А с 1-го декабря послан сверхчастным по городу и уезду. С 23-го декабря по 1-е января занимался по Нагорной [46] стороне кордоном солдат. Из муромских мещан Матвей Петров Влонякин (?) обругал поверенного Кирилла Новилова за подделку кордонной книжки. Кордонного уволили, но после дистанционный Василий Михайлов принял его на кордон в Погостинную дистанцию.

И так я на службе находился в течение 1859 года 143 дня, то есть 4 месяца и 23 дня, а без должности 222 дня, то есть 4 месяца и 8 дней. В пропитании более помогали шурья [47] Тагуновы.

В этом году первый раз поступил сын Павел в услужение к муромскому купцу Василию Ивановичу Серпуховитину с 23 апреля в год за 6 рублей серебром, в бакалейную лавку.

Л. 205об.

1860 год

С 1 января по 9 февраля служил в Муроме у Вишнякова занимаясь сверхчастным по Погостинской дистанции. Но, как управляющий Никитенко назначил тяжелый объезд (это было в сырную неделю), то от беспокойствия по занятию и от малого сна я, приехавши в Манаково, приказал лошадей покормить, а сам, вшедши, вздумал отдохнуть. Это было 9 февраля, и в это время приехал управляющий Никитенко, и меня разбудила сидельчиха Алексеева (по роду Петра Михайлова Веселкина дочь) свекровь. И как я мало спавши,

Л. 208

и к тому же не выпивши, встал как сумасшедший, и хорошенько не помню, как у меня отобрали деньги и журнал. И посему управляющий Никитенко сочел меня бесчувственно пьяным и за это уволил, хотя после и просился, но не принял (70,600 – 80,6, 50,20,300,2,70).

В этом году прочел всю Библию, Ветхий и Новый Завет и вторично первый том бытеевых книг Моисеевы, 1-я Бытия, 2-я Исход, 3-я Левит, 4-я Числа, 5-я Второзачения Иисуса Навина, Судей Израилевых, Руфь. Царства 1-я, 2-я, 3-я, 4-я. Второй том Паралипоменон 1-я и 2-я. Ездры книга 1-я Неемия Ездры 2-ю Книгу Товита, Иудифь, Есфирь, Иова, Псалтырь притчей Соломоновых. Екклизиаста Песнь Песней. Премудрости Соломони Иисуса сына Сиракова.

И так по 10 апреля служил 40 дней, а с 9-го февраля без должности.

Не пил вина с 10-го июля 1859 года по 6 января 1960 года, 180 дней около 6 месяцев, а пил с 6 января по 15 февраля 40 дней, и пост вел, как не пил. Ныне опять пью и грешу (3.70.200, 80, 70, 4, 8, 7, б, 1, 2, 6 – 800, 2, 8, 50, 1 – 8, б, 30, 1, 3, 70, 200, 30, 70, 2, 8 – 4, 70, 40, Ъ – 100, 1, б, 2, Ъ – 300, 20, 70, 8, 600, Ъ – 10, 70, 1, 50, 50, 1 – 8, 1, 30, 5, 20, 200, 1, 50, 4, 100, 1) и по 10 апреля живу без должности.

Пробывши по 10 апреля без должности и 20 апреля отправился из Мурома путешествовать, молиться Богу к преподобному Сергию [48], и в Москву, и в том месте приискывать должности. Прибывши во Владимир 25 апреля и пробывши во Владимире более суток у своих знакомых у Ивана Николаевича Белянинова и Петра Федоровича Курбатова, которые были в это время подвальными, и у Николая Ивановича Заяшеникова, которые меня приняли хорошо. Но, напившись допьяна, спал на леднике в Осьмушном П. Д. у сидельца из Макарова Ивана Васильева Легостина, где у меня пропали из кармана денег более 2-х рублей серебром. И потом, опять напившись допьяна, валялся на бульваре противу присутственных мест [49]. 26 апреля отправился к брату Владимиру в село Борисовское за 11 верст [50] от Владимира того же уезда.

Л. 208об.

Прибывши в село Борисовское 26 апреля еще не трезвый. Брат Владимир встретил как будто бы не радушно, но, впрочем, разобрать его прием не мог. Напившись в этот день пьяным, валялся за банькой, за что на другой день получил от брата замечание. Пробывши у брата в селе Борисовском до 3-го мая, а 3-его мая отправился далее в путь. Через Юрьев [51] и Александров прибыл в Троицкий погост вечером 7-го мая. А 8-го мая, то есть на Иоанна Богослова, в воскресенье, слушал литургию по приходе первую в церкви, где почевает преподобный Сергей. Служил наместник [52]. В эту литургию читали Евангелие о слепорожденном (где читается, сей согрешил или родители его, но Спаситель отвечал: ни сей, ни родители его, но даются на нем дела Божия 3, 70, 200, 80, 4, 8...).

От Троицы Сергия отправился в Москву. 9-го мая проходил чрез Ходьков женский монастырь [53], где покоятся раки родителей преподобного Сергия, но еще не прославленных, но только над ними слушают панихиды, и тут переночевал. Потом отправился далее в Москву.

В Москву прибыл 11 мая. На тракту увидел железную дорогу, ее лабораторию и таможду, и за это любопытство я более 10 верст по Москве ходил, искал квартиры. Нашедши у Крестовской заставы, у дворянина Петра Петрова Крылова, у которого жену зовут Пелагея

Васильевна. Прожил в Москве 15 дней, 12 мая, на Вознесение Господне, в этот день служил в Москве в Успенском соборе Киевский митрополит, а на Троицу Московский митрополит Филарет. То есть 22-го мая, в течение 15-ти дней в Москве, осматривая и любопытствуя по столице, и с тем вместе приискивая себе должности. И был в московской питейной конторе. И, как не приобретаю должности, отправился 26 мая обратно.

Л. 210

Из Москвы я отправился 26 мая к Владимиру по шоссе через города Богородск [54] и Покров. В Покрове заложил брюки и жилет бумажного трека [55] у сидельца муромского мещанина Ивана Ипполитова Рябова в 50 копеек серебром. В Ундоле сиделец из солдат Алексей Иванов угостил меня водкой и чаем (этот сиделец из этого питейного дома сменял брата Владимира 29 августа 1859 года).

В город Владимир прибыл 31 мая и, пробывши 1-е июня, испил водки у подвальных Курбатова и Беянинова. У первого занял 50 копеек серебром денег. 2-го июня отправился к брату Владимиру в село Борисовское.

В село Борисовское прибыл 2-го июня и прожил в нем до 25 июля, то есть 55 дней, а всего в оба раза 62 дня. И в это время моего пребывания у брата, писал просительное письмо к Павлу Ивановичу Кокуеву о принятии меня на службу. Письмо было послано 8-го июня. Поджидая Павла Ивановича письма, да уже как и паспорт истекал ему срок [56], также и его намеревался подждать. И в эти 55 дней занимался, высчитывал десятичные таблицы, переложения спиртов на разные доброты вин [57]. Жрал до обжорства, пил до пьянства и спал до безумия. Ездил раза два во Владимир с братом, и в том провел эти 55 дней. Во время моего пребывания в селе Борисовском родилась в Муроме дочь Наталья, 7-го июня. Поджидая 47 дней письма Павла Ивановича Кокуева, не дождался. Паспорт получил 20-го июля. С 10-го июля, как день в жизни моей незабвенный, перестал водку пить и просил Бога и всех угодивших ему, чтоб с этого дня не пить водку. Но за грехи мои Бог моих молитв не приемлет – рассуждая и положил в уме своем отправиться опять в Москву – искать какое-нибудь место, даже постыдного, или пропасть. Но Богу было сделать угодно другой оборот. И так мы с сестрой Прасковьей отправились из села Борисовское 25 июля, прибывши во Владимир того же числа, я все-таки имел намерение отправиться в Москву. Но имея при себе денег,

Л. 210об.

данных мне на дорогу братом 5 рублей, да выработанных мною у приказчика Степана Иванова при Борисовской станции за письмоводство 2 рубля. Всего 7 рублей. Зашевелилась такая огромная сумма в кармане, того не воображая, что сам в долгу, дети оставленные без пропитания, платья нет ни у себя, ни у жены, ни у детей, и кормят детей шурья, должности нет, надобно приискивать. Нет! Безрассудное пьянство взяло верх. Начально вздумал выпить красенького, потом чайку, потом опять красного, и потом отправился в подвал к Беянинову и Курбатову, и, напившись допьяна (**и так не удержался при втором зароке от пьянства 10-го июля**), и пил во Владимире 25, 26, 27 и 28 июля, пропивши более 2 рублей серебром. Но, рассудивши, что при мне денег мало и к тому же потерялся от пьянства, и по сему не заблагорассудил идти в Москву, а отправиться с сестрой в Муром и прибегнуть к шурьям (**к добру или к худу, не известно, но так было Богу угодно вместо Москвы быть в Муроме**). И так от пьянства, как сумасшедший, отправился из Владимира.

Из Владимира отправились с сестрой Прасковьей 28-го июля. Дорогой от Владимира до Мурома все пил, и от пьянства был не здоров. Прибывши в Муром 31-го июля, дочь Наталью застал не здоровую. По приходе нашем с сестрой, забравши у меня 1 рубль 30 копеек, и на эти деньги накупила обновок, и последние мои деньги мне не отдала, и так постаралась, чтоб мне остаться без хлеба. Да еще брат Владимир дал моим детям конфет, кои намеревалась обменять пряжинами [58] <неразб.>. Но, догадавшись, что в письме родительском оне не написаны ли, отдала и конфеты. И так всякое зло к лучшему. И так за зло мои дети получили два подарка (такая любовь ко мне сестры моей Прасковьи). Проходивши 103 дня, добыл 2 рубля, издержал 48 рублей 50 копеек. И так проживая без должности от 9 февраля по 5 августа 178 дней. ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ!

Л. 211

Но действительно Судьба вела меня в Муром видеть дочь Наталью, которая померла в августе месяце, и еще видется с родителем последний раз, который помер 25 сентября, а хоронили 27 сентября. И за это чувствительно благодарю милосердие Господне, что Господь привел родителя похоронить и последний раз видеть.

По смерти родителя, не имея ни гроша денег, спасибо шурьям, снабдили 26 рублями серебром, и жену мою за хлопоты, прислал брат Владимир 5 рублей, получил с дворника, и продано после родителя его собственного платья. И так, собравшись деньгами, и по милости господней исполнил обряд погребения. Зять [59] же, Владимир Павлов, в просьбе моей 2 рубля серебром отказал, а сестра Прасковья утащила кафтан после родителя и продала его за 1 рубль 50 копеек серебром, и из этих денег шила 4-х летней девочке, сестриной дочери, юпку, и во время похоронных обедов во все мало помогала, а более походила на чужую, но не дочь покойного родителя.

Итак, проживал в Муроме без должности с 31 июля и по 31 декабря, только занимался один день у купца Смольянинова письмоводством. А потом вычитанием десятичных таблиц, переложения спиртов на полугарь, науками и чтением книг.

В этом году еще прочел Библию по праздникам и воскресеньям с Исаия пророка до Данила пророка, и 1859 году Библию прочел один раз и три четверти раза.

В этом году я был при должности 40 дней и без должности 326 дней (потому что этот год был Високосный), пропитывался с женой и детьми Господа Бога и по милости братьев Л. П. И. Е. и А. Ермолаевича Тагуновых [60] – моих шурьев и ихней матери, моей тещи Натальи Степановны Тагуновой. **Господи, благословенье мне и моим детям помнить братьев Тагуновых добро. И помнить мне 25 сентября месяца данное обещание и исполнять его по смерть мою...**

Во время года по смерть мою заниматься: понедельник – числительными науками, вторник – словесными науками, среда – чистописанием, четверг и пятница – живописью, субботу – переплет... <неразб.>. Воскресенье – чтением священным, писанием. Великий пост по 2 воскресенье Пасхи читать Библию и Чети Миней [61] и более никаких книг. А не заниматься науками, а только читать священное писание: Богоявления Господня, Благовещение П. Б., Вербное воскресенье, на Пасхи 3-его дня Вознесение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Богородицы и Рождество Христово. А последнее время года по воскресеньям читать разные книги 5 раз в сутки.

Л. 212

1861 года

Января месяца по 5 число проживал в Муроме без должности, спал до безумия, жрал до обжорства, ленился до зависти, словом сказать, ничего не делал. **(Господи, умилосердись в этом году)**. И 27 января прошло, и я без должности.

Да и 9-е февраля пришло!!! А я все без должности, и таким образом прошел целый год без должности. И в течение года добыл только 2 рубля серебром, бывши во Владимирском уезде, в селе Борисовском, в почтовой станции получил за 5 дней письмоводства от приказчика Степана Иванова. И вот сам пять, мог прожить в год 2-мя рублями. Нет! На эти деньги мы могли бы помереть с голоду – но пропитались милосердием Господнем, которое внушено и благославлено дому тому, чтобы не оставить грешника, за которого дети не виноваты. Да пошлет Господь на дом Тагунов благодать и благославление свое, и меня прости, помилуй и благослови Господи!!!

Да с 9 февраля по 24 апреля был без должности, но с 24 числа апреля поступил на службу к Тагуновым (то есть к шурьям) по водочной части приказчиком, из 15 рублей серебром в месяц. Служил у них только по 18 число июня месяца, то есть 55 дней. И в это время занимался в Муромском уезде в селе Липни, грузил спирт графа Уварова. Проживал в Нижнем и на Устье у Казани. И грузил дрова на левой стороне реки Волги повыше Свяжска верст 15, купленные у вязовских крестьян. При этой погрузке находились Василий Терентьев Стулов, Иван Егоров Дехтярев и Александр Крыгин. И я на этой пристани рассердился на Алексея Ермолаевича Тагунова за его нехозяйственные и темные распоряжения. На Стулова, что он издержал много денег на поправку барки, и другие распоряжения и дурные расчеты с укладчиками дров. На Дехтярева за укоризненные слова при народе, за

мальчишку, крещеного еврея, которому не хотел Дехтярев отдать за работу деньги. И по этим причинам, да в тому же еще в Нижнем Павел Ермолаевич Тагунов, бывши пьяный, выгнал меня из комнаты. И все эти обиды столкнулись в моей голове, и я запил с 9 мая (а не пил с 25 сентября 226 дней) и пил по 21-е июня 43 дня.

Л. 212 об.

Отправившись из Мурома 1-го числа мая, служа, рассмотревши дела Тагуновых, хотя нашел их в большом объеме, но без всякого хозяйственного распоряжения, а управляемые милостию божей.

Проживши в Муроме 33 дня, то есть с 17 июня по 18 июля, и 18 июля отправился в Нижний для приискания должности, а остановился я на квартире в доме Ермолаева, у шурина Павла Ермолаевича: но должности не приискивал по случаю неимения приличного платья. Проживши у Павла Ермолаевича на квартире 12 дней, содержанием пользовался его.

Во время этого проживания, то есть июля 31 в понедельник, а во вторник, 1 августа, вздумал Павел Ермолаевич послать меня с деньгами к Чебоксарам: не доезжая за 15 верст Чебоксар, выдать деньги за дрова и кладчику. Получивши от него 250 рублей серебром, отправился на пароходскую контору «Самолет» [62] в 6 часов пополудни. Но, прождавши парохода до 10 часа пополудни, и не дождавшись парохода, вздумал выпить водки, а выпивши довольно, взявши извозчика, поехал в торговую баню [63]. Взял девку [64] и прокутил в бане целые сутки. Когда, опамятовшись, осмотрелся, у меня появилось денег 131 рубль серебром, и пропал мой паспорт. Взявши извозчика, приехавши на квартиру к Павлу Ермолаевичу в пьяном виде, он меня обобрал, получивши от меня денег 119 рублей серебром и документы, послал вместо меня Петра Степанова Неустроева. Потом Павел Ермолаевич вздумал меня отправить в Муром на пароходе, и уже был отдан мой багаж лоцману Ивану Васильеву Усову. Но я, напившись до пьяна (не попал на пароход), а свалившись в какую-то лодку, измочился и извалялся, и меня указали водоливу [65] Василью Федорову, который меня и проводил на мокшан [66] моих шурьев Тагуновых. Пробывши еще на мокшане целые сутки, и в это время пропил на в соколенской выставке материи 8 аршин [67] и суконный спорок [68], и сапоги за 2 рубля 30 копеек. И остался без денег, без хлеба, и проспавшись в больном похмелье. За дело тебе, пьяная капризная голова.

Отправившись из Нижнего 2-го августа в среду на мокшане с водоливом Степаном Васильевичем Гуциным (карачаровским крестьянином) [69], который

Л.?

со мною в продолжении пути обходился невежливо, грубо и насмешливо. По неимению денег и хлеба, едва упросил коноводов [70], что бы меня в дороге прокормили. И коноводы в виде Христа ради меня кормили. Но, впрочем, за меня заплатили шурья им 75 копеек серебром. Итак, в 10 дней прибыли в Муром 11 августа. И с этого времени опять нахожусь без должности, пью, сплю и обжираюсь, пользуя чужое добро, то есть тагуновское. **Господи, спаси, благослови и помилуй. Ты сам был искушен, и искушаемым помоги.**

По первое января 1862 года нахожусь без должности, и с 11-го августа совершенно ничем не занимаюсь. Кроме писанья, читанья, лежанья, спанья и случайного пьянства. Если где приходился случай напиваться, то напивался до безумия. Если бы был случай напиться, то, кажется бы, опился. Горе, лишения разума и рассудка. Пьянством затемнял до того, сколько валялся на дорогах и сколько растерял картузов [71], а бесчестия и стыда. Не могу этого изменить, и за все эти проказы отдален от родных, и смотрят на меня как на моровую язву [72]. **Господи, избави от пьянства и благослови ты милосердный.**

Приписка на полях: А сколько в этом году страмился, валялся, терял и закладывал платья и погубил чужих денег, а все от пьянства, от лени и упрямства. Господи, помилуй и спаси от пьянства.

Счет с Тагуновыми

Осталось за мною к 1861 г. 412,3
ЗАБРАТО 1861-го г.

Деньгами – 145 руб.

Платьем новым – 17 р. 50 к.

Старым – 14 р. 55 к.

Продуктами:

Муки ржаной – 25 п. по 2 р. 20 к. – 15 р. 71 к.

Муки пшеничной 5 п. – 6 р. 43 к.

Говядины – 7,5 п. 18 р. 85 к.

Баранины – 1,2 п. по 21 к. – 3 р. 60 к.

Рыбы – 2 п. 10 ф. – 6 р. 43 к.

Масла постного – 1 п. 5 ф. 15 к. ф. – 6 р. 75 к.

Масла скоромного – 7 ф. – 23 к. ф. – 1 р. 61 к.

Свеч сальных – 1 п. 15 ф. по 15 к. ф. – 8 р. 25 к.

Чаю – 2,2 ф. по 6 р. ф. – 4 р. 28 к.

Сахару – 15 ф. по 30 к. ф. – 4 р. 50 к.

Дров – 6 саж. По 4 р. – 12 р.

Уплачено боченок в 60 к. осталось за мною к 1862-м г. 690 р. 43 к. сер. 691 р. 3 к.

Л. (К 221)

В Нижнем на содержание – 6 руб.

ПРОДУКТАМИ:

Круп – 10 м. по 5 р. А. – 14 р. 28 к.

Пшеница – 6 пуд. по 6 р. А. – 10 р. 28 к.

Уплачено боченок 60 к. осталось за мною к 1862 году – 721 руб. 10 к. сер. [73].

1862 год

Января по 11 число все еще без должности, и не перестал лениться, обжираться, пьянствовать и валяться, и страмить самого себя, чужое добро поедать и ими быть не довольным. **Господи, умиласердись и благослови сим годом.**

По 13 февраля, и все-таки без должности. 13 и 14 февраля, шедший до чрезвычайности пьяный в Песочном пивном доме и в харчевне, сбросивши с себя тулуп и картуз (впротчем, харчевником были сбережены), и взявши шкалик [74] вина, отправился в Трубну [75] передать рестанту [76], карачаровскому крестьянину Михаилу Андрееву Соколову (кажется, что самозванцу). Увидавши, солдаты стали шкалик отнимать. Через это случилось буйство, и за это просидел в Трубной с 9 часов вечера и по 12 утра – 14 часов. Полиция при отношении отправила меня в Думу, и голова Владимир Васильевич Гундобин при присутствии сделал мне выговор.

Еще проживая без должности, и совершенно ничего не добыл как-то: февраль, март, апрель, май, июнь, июль и август занимался науками и уборкою двора и сада.

И в это время важного ничего не случилось, кроме как мая 30 числа родилась дочь Павла, хлопотал о квитанции за покойного брата Михайлу, и которую получил августа 13 числа.

Ходил на берег реки Оки, занимался пустословием или рассказывал разные басни. И в том проводил время.

Л. 220

Сентября 1-го числа у Воздвиженья был в церкви, так как этого числа отправлялось молебствие в 1 раз иконе Пресвятой Богородице (Умиленья) [77]. 2-го – пировал у Ивана Иванова Власова (в своем доме), поминки по сыну его Степане. И в это время минуло по смерти его год и его именины. Но все-таки и далее остаюсь без должности.

В августе приходил ко мне в дом муромский мещанин Григорий Андреев Усов и приглашал на службу к Алексею Васильевичу Ермакову [78]. Но когда я согласился поступить, Усов сходил к Ермакову, и, как Ермаков знал меня прежде, а Усов что-нибудь обо мне сказал с худой стороны. И Усов мне объявил, что меня неохотно принимают. Хотя Ермаков и принял незнатных людей, но меня, как человека пьяного и оборванного – не принял. Итак, пьянство меня довело и поставило, чтоб хорошие люди мною пренебрегали, а худые и злые насмеялись и учили. 1-й Ермаков, 2-й Усов.

В сентябре замечательного не случилось.

Октября 4-го. Бедность заставила мазать в комнатах известкой, и от этого руки изъело в раны.

27-го в Муроме у Облупского пивного дома помер скоропостижно дядя по тетке, муромский мещанин Митрофан Романов Парин, который первоначально был отправлен для анатомирования в больницу, но по старанию его сына Ивана Митрофанова и ратмана [79] Ивана Васильева Киселева, правительством определено похоронить по христианскому обряду 30 числа: в 4-ом часу по полудни был вынесен при священнике Гаврииле в церкви Вознесения Господня. Но, как священнику было дано 1 рубль серебром (хотя упрашивал сын покойного и родственники и доходило даже до ссоры), но посему священник, то есть, что мало дано, не пошел до могилы, а ходил дьякон с дьячком. Похоронен на Воскресенском кладбище [80], вблизи моих родителей.

29-го. Была в моем доме свадьба, женил сына (приписанный в мещане из крестьян деревни Князева) Андрея, Александр Степанов Иванов; взял у муромского мещанина Степана Гурикова дочь Прасковью. И так мы пировали с женою дня два.

30-го. Был именинник дворник, державший мой двор (крестьянин пестенькинской) Зиновий Андреев Хромой. И рождение было этого числа сына Павла. А посему пришлось 30-го пировать свадьбу, рождение, именины и похороны.

В течение октября месяца был без должности, а занимался хозяйством и науками.

Л. 222

Ноября 25 пировал именины: жен Левонтия Ермолаевича и Алексея Ермолаевича. 1-й Екатерины Ивановны и 2-я Екатерины Васильевны. А 26 числа в понедельник родился сын у Алексея Ермолаевича от жены Екатерины Васильевны, имя ему Иван. Тезоименитство его декабря 4-го, крестили 28-го ноября. Восприемники были Наталья Степановна Тагунова и Николай Васильевич Мяздриков. И в этот день пировали крестины.

Декабря по 4 число с 22-го ноября хлопотал об удостоверении брату Владимиру, которое стоило с пересылкою до 6 рублей, а у зятя Владимира Иванова Ковалева не мог выпросить денег по недостатке на расходы на удостоверение.

Вынужденным нашелся писать брату о присылке еще денег, и он ко времени этому выслал 6 рублей, а всего прислал на свидетельство 7 рублей.

С 19 февраля по 10 декабря не пил хмельных напитков (исключая красного виноградного вина). Это происходило 9 месяцев 20 дней, то есть 285 дней. А с 10 декабря по 19 декабря, то есть 10 дней, пил без просыпу и до безумия, и всячески безобразничал и в доме буянил.

СЧЕТ ДОЛГАМ ЗА МНОЮ ШУРЬЯМ Б.

Состояло за мною к 1862-му году – 721 р. 10 к.

Вновь забрато в 1862-м году.

Деньгами – 5.50

Платьем новым – 22.45

Платьем старым – 11

Продуктами:

Муки ржаной 26 п. по 2 р. 25 к. – 16.71

Муки пшеничной 6 п. – 5 р. ас. [81] – 8.57

Круп 7 мер по 4 р.50 – Ас. 9

Пшена 4 меры по 6 р. – 6.85

Говядины 7 п. по 7 руб. – 14

Свинины 1 пуд 10 ф. по 8 р. 40 к. – 3

Баранины 1 п. 30 ф. по 7 р. 50 к. – 3.75

Рыбы соленой севрюги 30 ф. по 16 р. – 3.43

Соленых лещей – 1 п. 10 ф. по 7 р. – 2.50

Рыбы свежей – 1 п. по 8 р. 40 к. – 2.40

Масла постного 1 п. 20 ф. по 17 – 7.28

Масла скоромного 10 ф. по 32 р. – 2.28

Картофелю 7 мер по 70 – 1.40

Свеч сальных 27 ф. по 52 к. – 4.5
 Чаю 3 ф. по 6 р. ас. – 5.14
 Сахару 8 ф. по 1р. 5 к. – 2.40
 Дров 7 сажень по 7 р. – 14
 По мелочи, в том числе мыла и нитки – 2.55
 Состоит за мной к 1863 году 869.38

С БРАТОМ ВЛАДИМИРОМ

К 1861-му году состоялось забрат. 77 р. 25 к.
 Получено мною в 1861 г. 32 р. 76 к.
 Получено в 1862-м году – 35 р. 98 к.
 Затем состоит за братом к 1863 г. 8 р.

Приписка на полях: Господи помилуй и Благослови Венец 1863 лета сего.

Примечания:

1. Гладкова Л.П. Письма и документы В.В. Зверева из фондов МИХМ // Сообщения Муромского музея. 2012. Владимир, 2014. С. 194–209.
2. Ср., например: «Живой журнал» современника Гоголя или «Ежедневные записки» муромского купеческого сына Егора Ивановича Перлова 1830-х годов (Публикация и комментарии О.А. Сухой, Ю.М. Смирнова) // Повседневная жизнь российской провинции. Сыктывкар, 2013. Вып. 6. С. 25–123.
3. См.: Васильченко Е.А. Личные библиотечные фонды в собрании Муромского музея // Материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2007. Т. 1. С. 129–131; Васильченко Е.А. Книжные собрания муромских купцов во второй половине XIX века: к вопросу о реконструкции // Уваровские чтения – VIII. Владимир, 2012. С. 215–220.
4. Стратонов В.В. По волнам жизни. Воспоминания.. Цит. по: Смирнов Ю.М. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). Владимир, 2013. С. 18.
5. См.: Смирнов Ю.М. Секс в маленьком городе (Муром второй половины XIX – начала XX веков // Сообщения Муромского музея. 2012. Владимир, 2014. С. 170–193.
6. Церковь Николо-Набережная (Николы Мокрого) в Муроме. Построена московским священником Дмитрием Христофоровым в память о своем отце. Освящена в 1717 г.
7. Часовник – богослужебная книга, содержащая тексты наиболее популярных молитв.
8. Подносчик, подносчик – грузчик товаров в лавке.
9. Казенные откупа – система сбора с населения государственных доходов, при которых государство за определенную плату передает право их сбора частным лицам. Особенно были распространены питейные откупы, то есть изготовление алкогольных напитков и их продажа.
10. Нижний – г. Нижний Новгород.
11. П. Д. – питейный дом, место для продажи алкогольных напитков «распивочно». В питейных заведениях напитки полагалось продавать по закупочной цене, т. е. без наценки, подразумевающей прибыль. Поэтому в них процветали всякого рода ухищрения, как, например, изощренно отработанная система недолива потребителю. Горожане называли питейные дома по фамилии владельца или по названию улицы, где они находились. Щелчковский питейный дом находился, видимо, в районе Большой Печорской улицы, неподалеку от храма св. Тихона Амафунтского XVII в.
12. Сиделец – наемный продавец в чужой лавке.
13. Гундобин Михаил Иванович – представитель одной из ветвей фамилии купцов, известных в Муроме с XVII в.
14. Тотьма – город в Вологодской губернии.
15. Выставка – вид продажи, в т. ч. питейного заведения.
16. Беляв – видимо, искаж. Беляево, деревня.
17. Экипажный – видимо, имеется в виду экипажный ряд выставки, где демонстрировались конские повозки.
18. Управляющий мировой – официальное лицо, совершавшее заключение мировых соглашений.

19. Ассигнация – наравне с серебряным рублем основная денежная единица Российской империи с 1769-го по 1 января 1849 г. Обменивалась на серебро по рыночному курсу взаимного обмена.

20. Дистаночный – начальник округа; в торговых делах – начальник определенного участка дороги, по которой идет продвижение товара.

21. Александр Михайлович Заяшников (1794–1846) – арзамасский купец-миллионер, наживший состояние на откупах.

22. Поверенный – лицо, уполномоченное другим лицом или учреждением действовать от их имени.

23. Павел Иванович Кокуев – судя по дальнейшему тексту, речь идет о купце 1-й гильдии, одном из первых парходчиков Саратова, коммерции советнике, впоследствии Саратовском городском голове с января по апрель 1870 г., организаторе Саратовской торговой биржи. Однако далее человек с таким же именем значится как ростовский 1-й гильдии купец (Л. 113).

24. Пивной подвальный расходчик – должность при пивном заведении; заведует отпуском товара.

25. Приказчик – наемное лицо у купца или в каком-нибудь торговом заведении, выполнявшее поручения торгового характера, в данном случае, связанные с продажей муки.

26. Т.е. А. Гладков откупился от рекрутского набора, что в те времена было вполне законно.

27. Смотритель – должностное лицо, которому поручено заведывание чем-либо, надзор, присмотр, наблюдение за чем-нибудь.

28. Книги – имеются в виду книги, где записываются торговые операции.

29. Старший сверхчастный поверенный – помощник по торговым делам, имеющий право подписывать сделки.

30. Простое вино – хлебный спирт однократной перегонки; основной полуфабрикат для получения самого простого хлебного вина, так называемого полугара.

31. Комиссионер – торговый посредник, который продает и покупает товары от своего имени, но за счет и по поручению поручителя (комитента) за оговоренное вознаграждение (комиссию).

32. Ратник – солдат, нижний чин государственного ополчения. В это время шла военная компания: Крымская война 1853–1856 гг. Манифестом от 3(15) октября 1855 г. был объявлен общий набор. Из Мурома и уезда отправлено 12 077 воинов-ополченцев, обратно вернулось 952 чел. Существовавшая до 1871 г. рекрутская система комплектования армии позволяла призванному за определенную сумму отправить в службу вместо себя другого человека.

33. Жалованье – денежное вознаграждение за службу.

34. Содержатель – хозяин заведения.

35. Шинель – теплый плащ с рукавами и круглым большим воротом.

36. Буинск – город в Татарстане.

37. Ямщик – человек, занимающийся перевозками гужевым транспортом. Подряжать ямщика – договариваться с ямщиком о перевозе.

38. Тезоименитство – день празднования святого, имя которого было дано человеку при крещении.

39. Михаил Архангел помогает в преданности и верности убеждениям.

40. Антоний Печерский избавляет от различных недугов, поражающих тело и душу.

41. Святой мученик Вонифатий – был рабом богатой римлянки, состоял с ней в незаконной связи, имел пристрастие к вину. Чувствовал угрызения совести и хотел отмыться своим грехом. Молитва св. Вонифатия от пьянства считается одной из самых действенных.

42. Св. Александре молятся об укреплении духа и о помощи в семейных делах.

43. Ода «Бог» Г.Р. Державина.

44. Однодворец – сельский дворянин, не имевший крепостных крестьян, а владевший лишь одним (своим) двором.

45. Граф Алексей Сергеевич Уваров, сын министра просвещения С. С. Уварова.

46. Шурья – родные братья жены.

47. Нагорная сторона – высокий берег реки Оки, на котором расположен Муром. Противоположный берег назывался Луговым.

48. В Троице-Сергиеву Лавру. В Муроме и уезде находились уголья, рыбные ловли и проч., ей принадлежавшие.

49. Присутственные места – в XIX в. так называлось здание, где находились губернская администрация. Во Владимире здание располагалось в парке Липки, в самом центре города.
50. Верста – единица измерения расстояния (около 1,06 км).
51. Юрьев – г. Юрьев-Польской Владимирской губернии.
52. Наместник – тот, кто управляет монастырем (это может быть архимандрит, игумен, иеромонах).
53. Покровский Хотьков женский монастырь.
54. Богородск – в настоящее время город Ногинск.
55. Трек – вид хлопчатобумажной ткани.
56. С 30-х гг. и до конца XIX в. никто не мог отлучаться от места постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта. Закон обязывал всех лиц предъявлять паспорта при переезде из одной губернии в другую на установленных в городах заставах, а по прибытии на место – полиции. Для крестьян и мещан было установлено три категории паспортов, выдававшихся в зависимости от удаления лица от основного места жительства и срока их действия (максимально до 3 лет).
57. Т.е. учился определять крепость вина в градусах и осваивал систему перевода объемов из «ведерной» системы мер в десятичную.
58. Пряжина – линейная мера длины, равная 3 сажням 12 вершкам.
59. Зять – муж дочери.
60. Л. П. И. и А. – Леонид, Павел, Иван и Алексей Тагуновы.
61. Четыи Минеи – книга житий святых православной церкви, расположенных по месяцам.
62. Пароходное общество «Самолет». Начало осуществлять перевозки пассажиров и легкого груза по Волге и ее притокам с 1854 г.
63. Торговые бани – бани, где брали деньги за мытье («торговля мытьем»).
64. А. Гладков в первый раз нарушил свой зарок «удерживаться прелюбодеяний и любоддеяний» (Л. 129).
65. Водолив – работник для наливки и отливки воды.
66. Мокшан – речное судно с крышею конем.
67. Аршин – русская мера длины (0,7 м).
68. Суконный спорок – часть одежды из сукна.
69. Село Карачарово близ Муром, вотчина графов Уваровых, откуда, по преданию, происходил богатырь Илья Муромец. Семья Гуциных считала себя его потомками.
70. Коноводы – люди при лошадях, которые тянули мокшан вдоль береговой линии.
71. Картуз – мужской головной убор, распространенный среди мещанского сословия.
72. Моровая язва – повальная эпидемия.
73. Сокращения в тексте: к. – копейка, р. – рубль, п. – пуд, ф. – фунт, саж. – сажень, сер. – серебро.
74. Шкалик – старинная русская единица измерения объема жидкости, а также сосуд такого объема. Применялась преимущественно для измерения количества вина и водки в кабаках. 1 шкалик = 1/200 ведра = 1/2 чарки = 61,5 миллилитра.
75. Трубна – так в Муроме называли полицейский участок и место, где находились задержанные.
76. Рестант (искаж.) – арестант.
77. Псково-Печерская икона Божьей Матери «Умиление», почитаемая как чудотворная. Другое ее название – Владимирская.
78. А.В. Ермаков – муромский городской голова с 1863 по 1869 гг. Активно занимался благоустройством города.
79. Ратман – выборный член городского магистрата.
80. Воскресенское кладбище – кроме Напольного кладбища, в Муроме существовали и кладбища при приходских церквях, называвшихся по церкви.
81. Ас. (сокр.) – ассигнация.

(Продолжение в следующем номере)

УДК 947.0

**«Установить систематический контроль за ходом мобилизации...»:
Документы Адыгейского обкома ВКП(б). Июнь 1941 г. – июнь 1942 г.**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии:
Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Это первая специальная публикация документов Адыгейского обкома партии начального периода Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). Она подготовлена на основе комплекса документов Хранилища документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея». Документы характеризуют руководящую роль партийных органов в проведении мобилизации жителей на фронт, переводе экономики на выпуск военной продукции, организации всей жизни местного социума в чрезвычайных условиях военного времени и другие вопросы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Адыгейская автономная область; Адыгейский обком партии; партийные документы.

Великая Отечественная война является одним из ведущих исследовательских направлений в советской и современной российской историографии. К настоящему времени в большинстве краев и республиках Северного Кавказа, как, впрочем, и в значительной части других субъектов Российской Федерации, вышли обобщающие сборники документов, рассказывающих об их истории в период 1941–1945 гг. [1]. Как правило, они создавались благодаря совместным усилиям историков и архивистов, находившим организационную и финансовую поддержку со стороны региональных властей. Война была и остается важнейшим местом памяти нашей страны, и каждый регион стремился доказать, что его жители внесли достойный вклад в дело общей победы над врагом.

Неоднократно принимались решения о подготовке подобного сборника документов и в Республике Адыгея (в годы Великой Отечественной войны – Адыгейской автономной области, входившей в состав Краснодарского края), и в ее столице – городе Майкопе – как правило, в связи с очередными годовщинами Победы. Не раз создавались ответственные комиссии, редакционные коллегии и советы (публикатору приходилось участвовать в их работе). Подбирались специалисты в состав рабочих групп, начинался сбор необходимого материала, шла его обработка и подготовка к публикации. Однако юбилеи проходили, о принятых решениях забывали, а рабочие группы распадались. Поэтому Адыгея в настоящее время остается одним из немногих регионов, в которых до сих пор так и не издано подобного труда [2]. Лишь отдельные документы представлены в соответствующих разделах сборников по истории комсомольской организации автономной области и ряде других работ [3].

Данная публикация призвана устранить имеющийся пробел в источниковой базе. Она подготовлена на основе комплекса документов Адыгейского областного комитета ВКП(б) в Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» – бывшем Партийном архиве Адыгейской автономной области (далее – ХДНИ НАРА).

Представленные документы, в первую очередь, характеризуют руководящую роль партийных органов в проведении мобилизации жителей на фронт, переводе экономики на выпуск военной продукции, организации всей жизни местного социума в чрезвычайных условиях военного времени. Они также содержат значительный массив сведений о различных проявлениях патриотизма советских граждан: сдаче средств в фонд обороны,

вступлении в истребительные батальоны и добровольческие части. Конечно, публикуемые документы они несут в себе черты своего времени, обстоятельств своего создания. В то же время в них отмечаются, например, и «проявления злостного хулиганства» в ходе мобилизации, объясняемые недостатками «проведенной массово-воспитательной работы». Эти и другие факты свидетельствуют о сложности и драматизме ситуации первого года войны, принесшего горечь тяжелых поражений.

Следует отметить, что начальный период Великой Отечественной войны, до освобождения области от немецких войск в феврале 1943 г., вообще плохо представлен в архивных фондах. Быстрая оккупация противником территории Адыгеи в августе 1942 г. привела к фактическому срыву эвакуации. В результате многие документы 1941–1942 гг., находившиеся в это время в ведомственных архивах, были просто уничтожены. В отдельных фондах НАРА предвоенный период завершается 1938–1941 гг., а документы по периоду Великой Отечественной войны отложились уже с 1943 г. Документам обкома ВКП(б) более повезло: они сравнительно неплохо сохранились за 1941 г. и значительно хуже за 1942 г. Поэтому без обращения к данному документальному комплексу невозможно представить историю Адыгейской автономной области и Северного Кавказа в целом в начальный период войны.

Документы приводятся в хронологической последовательности, снабжены сквозной нумерацией, заголовком, указанием на место хранения или первоначальной публикации. Часть документов публикуется в извлечениях с обозначением в заголовке «Из постановления», «Из докладной записки» и т.д. К группам документов, имеющих общее содержание, даны групповые заголовки. В этих случаях в заголовках к каждому документу, входящему в группу, опущен тот элемент, который отражен в групповом заголовке. Необходимо указать, что решения бюро обкома, принятые за несколько дней, оформлялись одним протоколом.

Документы публикуются в соответствии с существующими правилами публикации архивных документов. Географические наименования приведены в соответствие с общепринятыми в настоящее время. Грамматические и орфографические ошибки, опечатки и описки исправлены без оговорок. Многоточиями в угловых скобках отмечены сокращения составителей. В квадратных скобках помещены пропущенные слова и выражения, внесенные в текст составителями. Документы публикуются впервые.

Постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 22–25 июня 1941 г.

§ 1. Сообщение облвоенкома тов. Добровольского

1. Сообщение тов. Добровольского о проведении мобилизации военнообязанных принять к сведению.

2. Обязать секретарей горкома и райкомов ВКП(б), ВЛКСМ и председателей горрайисполкомов оказать райвоенкоматам необходимую практическую помощь в деле проведения мобилизации военнообязанных, автомобильного, гужевого транспорта и лошадей.

3. Предупредить секретарей РК и председателей райисполкомов, что проведение мобилизации необходимо сочетать с усилением темпов уборки урожая, а также выполнением других сельхозработ и государственных поставок.

§ 2. О мероприятиях по реорганизации партийной сети и укреплению низовых первичных парторганизаций в связи с мобилизацией

В связи с уходом в РККА секретарей, заместителей секретарей первичных парторганизаций и некоторой части коммунистов, обязать РК и Майкопский ГК ВКП(б) провести следующие практические мероприятия:

а) там, где выбыли секретари, или заместители секретарей первичных парторганизаций, провести довыборы;

б) с уменьшением состава коммунистов в первичных парторганизациях до 2-х членов ВКП(б), создать партийно-кандидатские, партийно-комсомольские группы, с утверждением на бюро ГК, РК ВКП(б) парторга;

в) провести инструктивное совещание партторгов, избранных секретарей и заместителей секретарей первичных партторганизаций, о задачах работы партторганизации, партийно-кандидатских и партийно-комсомольских групп.

Обязать РК и Майкопский ГК ВКП(б) оказать помощь ГК, РК ВЛКСМ в проведении такой же реорганизации в укреплении первичных комсомольских организаций.

Бюро обкома ВКП(б) обязывает РК и Майкопский ГК ВКП(б), в соответствии с Уставом ВКП(б) обеспечить быстрейшее проведение укрепления первичных партторганизаций в условиях мобилизации.

Обязать ГК, РК ВКП(б) по-большевистски организовать бесперебойную работу каждого предприятия, колхоза, совхоза и учреждения и на основе партийно-массовой работы, повышения революционной бдительности добиться досрочного выполнения производственных планов каждым предприятием, колхозом, совхозом.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 1, 2.

§ 4. О результатах проведения первого дня мобилизации по области

Бюро ОК ВКП(б) отмечает, что военная мобилизация проходит в обстановке высокого политического и производственного подъема трудящихся масс, как в городе, так и в районах области.

Рабочие, служащие, интеллигенция, колхозная масса на призыв Советского правительства нанести сокрушительный удар германским фашистам ответили небывалым политическим и производственным подъемом, еще большей сплоченностью вокруг большевистской партии, Советского правительства и вождя народов товарища СТАЛИНА.

Работа по оповещению населения о мобилизации, организация сборных пунктов – военкоматов, выполнение нарядов на поставку в РККА людских и материальных ресурсов, как это показывает проверка, проходит по области удовлетворительно.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ГК и РК ВКП(б) под личную ответственность первых секретарей безусловно обеспечить проведение мобилизации людей, лошадей, автомехтранспорта и других материальных ресурсов по нарядам военкоматов в установленные сроки. Установить систематический контроль за ходом мобилизации, решительно пресекая всякое противодействие мобилизации, от кого бы оно не исходило, а виновных в этом лиц отдавать под суд ревтрибуналов, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.VI.1941 г.

3. Поручить тов. ЧАМОКОВУ [4] заслушать на внеочередном заседании исполкома руководителей торгующих организаций по вопросу обслуживания товарами и продуктами мобилизуемых в армию на сборно-сдаточных пунктах военкоматов.

4. Поручить тов. БОГОМОЛОВУ [5] дополнительно командировать работников ОК ВКП(б) в районы области по вопросам мобилизации.

5. Обязать ГК и РК ВКП(б) усилить массово-политическую работу среди населения и добиться еще большего производственного подъема рабочих, колхозников, направленного на выполнение и перевыполнение производственных заданий, успешное проведение уборки урожая, государственных обязательств и других хозяйственных работ.

§ 5. О ходе борьбы с фактами уклонения от поставок материальных ресурсов в РККА и классово-враждебными элементами

Фактов уклонения от исполнения всеобщей воинской обязанности и дезертирства со стороны мобилизуемых по области не установлено. Однако бюро ОК ВКП(б) считает, что в результате недостаточно проведенной массово-воспитательной работы среди мобилизуемого контингента имели место на сборном пункте гор. Майкопа (школа № 10) и в хуторе Яблоновском [6] Тахтамукайского района проявления злостного хулиганства (Синьковский, Буланов), сопряженного с нанесением телесных повреждений военнообязанным и оказанием сопротивления представителям органов власти при их задержании.

Отметить также, что отдельные руководители предприятий и домовладельцы, а равно водители автомашин не выполняют полностью правил светомаскировки.

Обком ВКП(б) постановляет:

1. Обязать секретарей ГК, РК ВКП(б) и председателей горрайисполкомов Советов депутатов трудящихся полностью обеспечить поставку ресурсов в армию, как в количественном, так и в качественном отношении, не допуская срывов.

2. Предложить облпрокурору тов. СРИБНОМУ и начальнику НКВД тов. ФАЙНБУРДУ, в соответствии с телеграфным распоряжением прокурора Союза ССР тов. БОЧКОВА, привлекать к строжайшей уголовной ответственности лиц, срывающих поставку ресурсов в РККА, нарушающих правила светомаскировки и не обеспечивавших охрану объектов.

3. Привлекать также к уголовной ответственности антисоветских элементов, сеющих панику, дезертиров, хулиганов, спекулянтов и др. уголовно-деклассированных элементов, пытающихся своими действиями дезорганизовать проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22.VI.1941 года о мобилизации.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 3–7.

§ 7. О ходе мобилизации по области

Сообщение тов. ДОБРОВОЛЬСКОГО принять к сведению.

Передать облвоенкомату список городских организаций, у которых проверкой обнаружено в наличии 26 автомашин, 86 автопокрышек, годных для мобилизации в армию.

§ 8. Об обеспечении семей ушедших в армию

1. Принять к сведению сообщение тов. ЧАМОКОВА о том, что со дня объявления мобилизации на сборных пунктах военкоматов и в Советах организованы столы справок по разъяснению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.X.1939 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

2. Принять к сведению заявление тов. БОНДАРЕНКО [7], что в очередном номере газеты «Адыгейская правда» будет опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.X.1939 года.

3. Обязать зав. облсобесом тов. ЕМЫКОВА лично контролировать деятельность горрайсобесов по выполнению данного Указа Президиума Верховного Совета СССР и не допускать проволочек в выдаче пособий семьям мобилизованных в Красную Армию в соответствии с Указом.

4. Предложить ГК, РК ВКП(б) проверить состояние массовой работы среди населения по разъяснению Указа правительства от 10. X. 1939 г. об обеспечении семей ушедших в армию, заслушать доклады о работе горрайсобесов на бюро райкомов ВКП(б) и принять меры по трудоустройству работоспособных членов семей мобилизованных в армию на предприятиях, в учреждениях, колхоза совхозах, МТС.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 8.

§ 10. О перестройке работы промышленности области в связи с мобилизацией рабочих в РККА

Отметить, что в связи с объявлением мобилизации, предприятия области перестраивают работу крайне медленно. Работа по привлечению женщин – домохозяек в производство развернута плохо.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ГК и райкомы ВКП(б) немедленно принять меры по перестройке работы основных предприятий на нужды обороны (Лесомебель, Дубзавод, завод им. Фрунзе, Каучукзавод, пошивочные мастерские, Лубзаводы и др.), для чего развернуть работу среди населения по привлечению женщин – домохозяек, девушек, подростков на производство.

2. Обязать секретарей РК и ГК ВКП(б) организовать учебу вновь набранной рабочей силы, а также кадровых рабочих.

3. Обязать руководителей предприятий ввести неограниченную сверхурочную работу для выполнения государственных заданий.

4. В связи с угрозой остановки Дубзавода и Леспромхоза после мобилизации автотранспорта предложить промышленно-транспортному отделу ОК ВКП(б), Майкопскому ГК ВКП(б) и райкомам ВКП(б) привлечь для лесовывоза тракторы мехтехникума и дормоста, а также гужевого транспорт Разнопромсоюза и других артелей.

5. Обязать тов. ПЫШКИНА [8] оказать помощь в перестройке работы предприятий, особенно предприятий, работающих на оборону.

6. Поручить тов. БОГОМОЛОВУ представить на очередное заседание бюро ОК ВКП(б) предложения по замене и укомплектованию руководящих кадров промпредприятий вместо мобилизованных в РККА.

7. Обязать ГК, райкомы ВКП(б) и директоров промпредприятий проверить состояние и организовать четкую работу сторожевой и противопожарной охраны.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 8–9.

Постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 28 июня – 5 июля 1941 г.

§ 2. О перестройке работы в сельском хозяйстве Гиагинского и Шовгеновского районов в связи с мобилизацией

Отметить, что парторганизации Гиагинского и Шовгеновского районов провели значительную работу по перестройке сельского хозяйства в соответствии с задачами военного времени. В колхозах этих районов отмечается большой патриотический и производственный подъем, вызванный единым стремлением широких колхозных масс укрепить оборонную и экономическую мощь нашей Родины и дать сокрушительный отпор фашистским агрессорам.

Наряду с этим, обком ВКП(б) отмечает наличие ряда существенных недостатков в работе отдельных колхозов. Не все колхозники, способные к труду, выходят на работу и не полностью продуктивно используют рабочий день, слабо поставлен учет труда. Политико-массовая работа организована слабо. В некоторых колхозах («Большевик» Гиагинского района, «Путь Ленина» Шовгеновского района), уборка озимого ячменя затягивается. Простые машины в работе участвуют: недостаточно, молотья, очистка полей от соломы и половы не производится. В ряде колхозов на токах навесы не покрыты, не снабжены противопожарным оборудованием. Охрана урожая и машин в поле поставлена неудовлетворительно. Заготовка сочных и грубых кормов проходит крайне медленно. Обязательные сенопоставки по Гиагинскому району не закончены, а хлебосдача в обоих районах по существу еще не начиналась. Выявление и подготовка женщин трактористок и комбайнерок и включение их в работу организовано слабо.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Обязать всех секретарей РК ВКП(б):

1. Немедленно включить в уборку хлебов все простые машины, организовать ручную уборку, обеспечить бесперебойную работу комбайнов, уборку за ними соломы и немедленную молотью всего хлеба убранных простыми машинами и вручную.

2. Организовать массовый выход всех колхозников, способных к работе на прополку, сено и хлебоуборку, включить в полевые работы колхозов и совхозов всех домохозяек, членов семей рабочих и служащих, учащихся и подростков, полностью и продуктивно используя рабочий день от зари до зари.

3. Обеспечить бесперебойную работу на токах. Организовать вывоз зерна государству, принять все меры к снабжению навесов и токов противопожарным оборудованием и надежной круглосуточной охраной.

4. Вслед за уборкой озимых культур организовать пахоту и сев пожнивных культур, полностью выполнить установленный району план и перекрыть весенний недосев.

5. Принять решительные меры к безусловному выполнению всеми колхозами плана силосования, заготовки грубых кормов и подвозу их к местам зимовки скота в соответствии с постановлением СНК СССР «О мерах по увеличению кормов для животноводства в колхозах».

6. В недельный срок организовать при каждой МТС курсы трактористов и комбайнеров, укомплектовать их в первую очередь женщинами с тем, чтобы уже в текущую уборочную кампанию включить их в работу по специальности.

7. Обком ВКП(б) обязывает всех секретарей РК ВКП(б) перестроить политико-массовую работу в соответствии с задачами момента, широко разъясняя долг каждого трудящегося перед Родиной.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 14–15.

§ 3. Решение крайкома ВКП(б) от 25.VI.1941 г. «Об укреплении оборонной работы»
В соответствии с решением бюро крайкома ВКП(б) обязать ГК и РК ВКП(б):

1. Организовать обучение военному делу всех без исключения рабочих, колхозников и служащих в каждом предприятии, МТС, совхозе, колхозе, учреждении. Проводить обязательно военные занятия ежедневно не менее одного часа.

2. Потребовать от председателей горрайисполкомов оперативного руководства и бесперебойной работы штабов МПВО.

3. Обязать ГК и РК ВКП(б) организовать не позднее 5 июня с. г. на предприятиях, в колхозах, совхозах и МТС подготовку квалифицированных кадров из числа женщин (слесарей, токарей, комбайнеров, шоферов, трактористов и других специальностей). Обязать сельхозотдел и промышленно-транспортный отдел ОК ВКП(б) довести план подготовки квалифицированных кадров для города Майкопа и районов области.

II. По Осоавиахиму [9]

Обязать облсовет Осоавиахима:

1. Обучить все взрослое население правилам противовоздушной и противохимической защиты, тушению зажигательных авиабомб.

2. Создать в каждом предприятии, крупном учреждении, домоуправлении, школах, колхозах, совхозах, МТС группы самозащиты и команды МПВО [10].

Привлечь к этой работе всех подготовленных инструкторов ПВХО [11], командиров запаса, учителей, агрономов, инженеров и других специалистов.

3. Совместно с райвоенкоматами немедленно организовать военную подготовку без отрыва от производства граждан, изъявивших желание добровольно вступить в РККА и ВМФ.

4. Подготовить по городу Майкопу к 1.XI. с. г.

- а) пулеметчиков 50 чел.,
- б) телефонистов 50 чел.,
- в) радистов 50 чел.

III. По РОККу [12].

а) Обязать Обком РОККа тов. БАТАЖЕНКО подготовить и полностью оснастить к 15.VII с. г. не менее 300 санитарных постов по области. Закончить к 1.VII с. г. обучение сформированных сандружин и вновь организовать 10 сандружин;

б) подготовить к 1.X с. г. в колхозах, МТС, совхозах, крупных предприятиях и учреждениях 3000 значкистов ГСО [13] второго профиля;

в) совместно с облздравотделом организовать санитарную подготовку дружинниц и медсестер, изъявивших желание добровольно вступить в РККА и ВМФ;

г) в городе Майкопе и районах области отобрать и подготовив к 5.VII с. г. не менее 100 доноров;

д) подготовить к 1.VII с. г. из лучших сандружинниц и медсестер гор. Майкопа 15–20 человек для работы в госпиталях;

е) создать при каждом учебном отряде Осоавиахима и истребительных батальонах санитарные команды.

IV. По физкультуре.

Обязать комитет физкультуры и спорта тов. Кошанского:

1. Закончить к 5.VII с.г. выпуск шоферов и вновь подготовить к 1.XI с. г.

- а) шоферов (по сокращенной программе) – 70 чел.,
- б) мотоциклистов – 70 чел.,
- в) фехтовальщиков..... – 200 чел.

2. Обучить к 1.XI с. г. гранатометанию и штыковому бою не менее 3000 чел. по области.

Привлечь к этой работе инструкторов физкультуры, командиров запаса РККА.

3. Организовать при истребительных батальонах города и районов области группы самокатчиков, проводя с ними ежедневно занятия.

4. Обязать облсовет Осоавиахима, облкомитет физкультуры и спорта, РОКК разработать конкретные мероприятия по выполнению настоящего решения.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 16–18.

Из постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 7 июля 1941 г.

§ 2. О работе комбината «Лесомебель»

Отметить, что руководство комбината (директор тов. Меркулов и главный инженер тов. Лейбович) не приняло всех мер по подготовке технологического процесса для производства спецащитков, неудачно спроектировало ряд приспособлений, слабо организовало тех. учебу и, прикрываясь отсутствием пихты, не выполнило июньский план по спецукупорке.

Обком ВКП(б) постановляет:

1. Принять к сведению заявление директора комбината «Лесомебель» тов. МЕРКУЛОВА о том, что перестройка всех предприятий будет закончена 10. VII. 1941 г., государственный план по выпуску спецпродукции комбинат выполнит.

2. Предложить директору комбината тов. МЕРКУЛОВУ:

а) максимально заменить мужчин, ушедших в РККА, женщинами – домохозяйками, закончить техническое обучение вновь принятых рабочих не позднее 20.VII.1941 г. и правильно расставить рабочих в производстве;

б) закончить до 10.VII.1941 г. разработку технической документации на новые виды изделий;

в) улучшить организацию рабочих мест (надстройка оборудования, режущие инструменты, шаблонное хозяйство, заделы и т. д.) с тем, чтобы в июле месяце все рабочие комбината перевыполняли нормы выработки;

г) не позднее 12.VII.1941 г. создать переходящие заделы деталей по всему технологическому потоку каждого спецащитка.

3. Обязать партбюро комбината «Лесомебель» и Майкопский горком ВКП(б) коренным образом улучшить партийно-массовую работу, руководство социалистическим соревнованием и стахановским движением, поднимая трудовой энтузиазм на перевыполнение государственного плана, на повышение большевистской бдительности.

4. Обязать директора Леспромхоза тов. ФИЛИЧЕВА отгружать комбинату «Лесомебель» не менее 360 куб. м. пихты ежедневно.

5. Обязать начальника ж. д. станции тов. КОСМАЧЕВА обеспечить подачу ж. д. вагонов для отгрузки пихты на линии Хаджох – Майкоп не менее 360 куб. м. в день.

6. В виду неудовлетворительного планирования Главмебельпрома и плохого снабжения комбината остродефицитными материалами для производства спецукупорки поручить тов. ПЫШКИНУ написать по этому вопросу докладную записку на имя Наркома лесной промышленности тов. КОЛДАНОВА.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 41–42.

Постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 25 июля 1941 г.

§ 1. О состоянии работы истребительных батальонов [14] и групп содействия в Гуагинском районе и городе Майкопе

Отметить, что истребительный батальон Гуагинского района и объединенный истребительный батальон города Майкопа и Майкопского района сформированы правильно.

В состав батальонов отобраны лучшие люди из числа партийно-комсомольского и советского актива, готовые в любую минуту нанести сокрушительный удар парашютным десантам и диверсантам противника Наряду с этим, ОК ВКП(б) отмечает ряд серьезных недостатков в работе истребительных батальонов, вскрытых проверкой:

1. В личном составе батальонов имеется большая текучесть, происходящая в результате неправильного подбора людей в период комплектования батальонов.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Предложить горкому, Майкопскому и Гуагинскому РК ВКП(б), начальникам и комиссарам истребительных батальонов немедленно устранить отмеченные недостатки в работе истребительных батальонов и принять меры направленные к укреплению истребительных батальонов, в частности:

г) в соответствии с указанием крайкома ВКП(б) возложить все руководство партийно-политической работой в батальонах на первых секретарей ГК и РК ВКП(б);

д) запретить в часы занятий в батальонах отрывать бойцов и использовать их по делам, не связанным с батальоном, и ограничить до минимума отрыв из батальонов личного состава в командировки или для выполнения разного рода заданий по месту основной работы;

е) обязать начальников и комиссаров батальонов не допускать ни одного случая неявки на занятия в батальоны по неуважительным и неизвестным причинам.

3. Предложить ГК и РК ВКП(б), начальникам и комиссарам истребительных батальонов обеспечить сбор личного состава батальонов при необходимости в течение не более 30 минут.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 56–58.

§ 2. О ходе подготовки девушек-трактористок по МТС области

Отметить, что из плана подготовки 300 чел. трактористов обучается 477 чел., в том числе без отрыва от производства при МТС – 269, из них 255 женщин, с отрывом при МТС – 124, из них женщин – 123 и в Ханской мехшколе – 84 чел., из них женщин – 81 чел. Из плана подготовки 80 чел. комбайнеров при Ханской мехшколе учится 79 чел. женщин и при МТС без отрыва от производства обучается 72 чел., из них женщин – 65.

Наряду с этим бюро обкома ВКП(б) отмечает, что в результате непринятия своевременных мер, Тахтамукайский и Гиагинский районы не обеспечили выполнения плана подготовки комбайнеров.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать секретарей РК ВКП(б), председателей райисполкомов и директоров МТС Тахтамукайского и Гиагинского районов выполнить план подготовки комбайнеров.

2. Обязать облЗО тов. ГУЙВА обеспечить периодическую проверку и своевременное руководство ходом подготовки мехкадров в МТС и в Ханской мехшколе.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 58–59.

Из постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 5 августа 1941 г.

§ 2. О работе по обеспечению семей мобилизованных в РККА

Отметить, что в отдельных районах (Тахтамукайском, Теучежском) имеются случаи несвоевременного рассмотрения заявлений семей мобилизованных в РККА о назначении им пособий, а также проявляется игнорирование в трудоустройстве (гор. Майкоп). Руководители отдельных предприятий (Дубзавод, Каучуксовхоз и др.) допускали случаи отказа в приеме на работу членов семей мобилизованных в Красную Армию.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать райкомы ВКП(б) и Майкопский ГК проверить работу по обеспечению семей мобилизованных в РККА пособиями [в соответствии] с Указом Президиума Верховного Совета СССР, устройству их на работу, ремонту квартир, снабжению топливом, размещение детей в детсадах и площадках.

Результаты проверки обсудить на бюро ГК, РК ВКП(б) и принять соответствующие меры по обеспечению семей мобилизованных в РККА, обязав руководителей предприятий, учреждений, совхозов, колхозов и др. организаций принимать на работу в первую очередь членов семей мобилизованных.

2. Предложить тов. ДОБРОВОЛЬСКОМУ дать указания райвоенкоматам о своевременном представлении справок органам собесов об ушедших по мобилизации в РККА.

§ 3. О массово-политической работе с военнообязанными

ОК ВКП(б) отмечает высокое политико-моральное состояние и боевое настроение уходящих по мобилизации на фронт. Однако некоторые партийные организации области ослабили массово-политическую работу с военнообязанными, особенно с теми, которые уходят на фронт.

Обком ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать секретарей РК и ГК ВКП(б):

а) обеспечить проведение систематической политико-массовой работы со всеми военнообязанными и особенно с уходящими на фронт;

б) провести совещание секретарей первичных парторганизаций и агитаторов по вопросу проведения массово-пропагандистской и разъяснительной работы с военнообязанными и их семьями;

в) потребовать от секретарей первичных парторганизаций, чтобы они лично проводили специальные беседы с военнообязанными, которые вызываются военкоматами для направления на фронт.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 82–83.

Из постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) и облисполкома от 15 августа 1941 г.

§ 3. Об использовании картерных газов в работе тракторов

Придавая большое значение использованию картерных газов в работе тракторов, дающих значительное повышение производительности трактора и снижающих расход горючего, а также способствующих удлинению срока работы шатунных подшипников и поршневой группы, бюро обкома ВКП(б) и облисполком ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Утвердить план перевода тракторов на использование картерных газов по МТС области в количестве 205 штук.

2. Обязать начальника облЗО и директоров МТС не позднее 1.IX. с. г. выполнить утвержденный план оборудования тракторов приспособлениями для использования картерных газов.

3. Обязать секретарей РК ВКП(б) и председателей райисполкомов не позже 15.IX. с. г. заслушать директоров МТС и совхозов о выполнении плана оборудования тракторов приспособлениями для использования картерных газов.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 109.

Постановления бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 25 августа 1941 г.

§ 1. Решение ЦК ВКП(б) от 20 августа 1941 года

1. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) установить, что областные газеты «Адыгейская правда» и «Социалистическэ Адыгей» издаются 3 раза в неделю на 2-х полосах и 3 раза в неделю на 4-х полосах.

2. Районные газеты области издаются 3 раза в неделю на 2 полосах.

3. Обязать редакторов областных и районных газет пересмотреть штат работников редакции в сторону максимального сокращения штата.

4. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на отдел агитации и пропаганды ОК ВКП(б).

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 132.

§ 2. О дополнительном плане озимого сева осенью 1941 года

1. Утвердить дополнительный план озимого сева осенью 1941 года по колхозам области в размере 5000 гектаров.

2. Обязать секретарей РК ВКП(б) и председателей районных Советов не позднее 22 августа с. г. довести дополнительный план озимого сева до каждого колхоза.

ХДНИ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 133.

Примечания:

1. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1962. 514 с.; Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар: Книжное издательство, 1965. 294 с.; Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1968. 628 с.; Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1990. 408 с.; Лики войны: Сб. документов по

истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 500 с. и др.

2. На данное обстоятельство впервые обращалось внимание в работе: Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М.: Изд-во «Союз», 2004. С. 78.

3. Документы и материалы по истории адыгейской организации ВЛКСМ, 1917–1985. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1985. С. 77–136 и др.

4. Чамоков А.Х. – председатель Адыгейского облисполкома в 1940–1943 гг.

5. Член Адыгейского обкома ВКП(б), председатель областного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров РККА.

6. В настоящее время – поселок городского типа.

7. Бондаренко Л.Н. – секретарь по кадрам Адыгейского обкома ВКП(б), главный редактор газеты «Адыгейская правда»

8. Секретарь Адыгейского обкома ВКП(б) по промышленности и транспорту

9. Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – общественно-политическая оборонная организация, сыгравшая значительную роль в военной подготовке советской молодежи.

10. МПВО – Местная противовоздушная оборона, система оборонных мероприятий, осуществлявшихся местными органами власти под руководством военных организаций для защиты от нападения врага с воздуха и ликвидации последствий воздушных ударов.

11. ПВХО – Противовоздушная и противохимическая оборона.

12. РОКК – Российское общество Красного Креста, общественная благотворительная организация, созданная под таким названием еще в 1879 г. Однако после революции 1917 г. была упразднена, и в годы войны вместо нее действовал Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (Советский Красный Крест).

13. ГСО – «Готов к санитарной обороне», программа массовой санитарной подготовки населения в 1934–1967 гг., проводившаяся Союзом Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

14. Истребительный батальон – военизированное добровольческое формирование советских граждан, состоявшее в первую очередь из партийных, хозяйственных, комсомольских и профсоюзных активистов, трудящихся и студентов, не подлежавших первоочередному призыву в Вооруженные силы СССР. Создавались с 1941 г. для поддержания государственного и общественного порядка, борьбы с диверсантами, парашютистами и шпионами противника, а также с дезертирами, бандитами, спекулянтами и мародерами.

(Продолжение в следующем номере)

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 94(47)

**О жизни, смерти и войне: публикация писем и дневников евреев
военного времени**¹ Евгений Федорович Кринко² Ирина Геннадьевна Тажидинова

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

доктор исторических наук

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

² Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149,

кандидат исторических наук, доцент

E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Рецензия посвящена трем выпускам сборников писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны, подготовленным и изданным на основе материалов Архива Научно-просветительного центра «Холокост».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; письма; дневники; Архив Научно-просветительного центра «Холокост».

Первое десятилетие XXI в. отмечено настоящим всплеском публикаций писем, воспоминаний, дневников и других источников личного происхождения, рассказывающих о событиях Великой Отечественной войны. Это связано не только с актуализацией военной темы в памяти российского общества, но и с возникновением новых тенденций в ее изучении, обусловленных общим «антропологическим поворотом» в современном гуманитарном знании. Под его воздействием сформировались историческая антропология, гендерная история, история повседневности, микроистория и другие исследовательские направления. Несмотря на существенные различия, их объединяет интерес не к прошлому как таковому и поиску в нем макросоциальных закономерностей, а к человеку и его жизненному миру, что, соответственно, повышает востребованность источников личного происхождения. В полной мере это проявляется и в обращении историков к теме Великой Отечественной войны.

В данной связи необходимо отметить, что первые публикации писем и других источников личного происхождения появились непосредственно в военные годы. Однако их содержание прямо определялось пропагандистскими целями и задачами. Вследствие этого материал для публикаций отбирался с учетом чрезвычайно жестких идеологических и цензурных требований, характеризовался тематической однородностью. Предпочтение отдавалось источникам с героическим и патриотическим содержанием, тогда как вопросы фронтового и тылового быта, противоречивости настроений советских граждан в экстремальных условиях Великой Отечественной войны попросту игнорировались. Отмеченные тенденции продолжали сохраняться в публикации писем, воспоминаний и дневников и в последующие годы [1-8].

Только в последнее время ситуация с публикацией источников личного происхождения стала кардинально меняться: вышел целый ряд сборников и отдельных изданий писем, воспоминаний и дневников, позволяющих более полно представить гамму чувств и переживаний советского человека военного времени. В ряду других изданий подобного рода свое место заняли сборники писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны под общим названием «Сохрани мои письма...», подготовленные на основе материалов Архива Научно-просветительного центра (далее – НПЦ) «Холокост» [9].

Сбор писем и других личных документов евреев периода войны составляет одну из главных целей Архива НПЦ «Холокост», а рецензируемые сборники представляют собой весомые результаты этой работы, достигнутые почти за два десятилетия его существования. В совокупности они дают развернутое представление о составе фондов Архива НПЦ «Холокост» и их возможностях, приоритетных направлениях его собирательской и научно-исследовательской деятельности. О многом говорит уже тот факт, что выход первого выпуска, его широкое распространение и популяризация создали благоприятные условия для нового пополнения архива: только с 2007 г. по 2010 г. в него поступило свыше 700 новых документов. При этом если часть из них служила продолжением уже ранее переданной переписки, то большинство писем и дневников, поступивших как из России, так и из других бывших республик СССР и дальнего зарубежья, принадлежало новым авторам [10]. В свою очередь, третий выпуск составили около 250 новых письменных источников и фотографий, поступивших на хранение в архив из личных архивов родственников авторов писем за последние три года.

Основной круг источников, вошедших в указанные сборники, составили письма (с фронта и из военных училищ, партизанских отрядов, эвакуации), дневники (в том числе дневники-воспоминания), фотопортреты и жанровые фотографии. Они охватывают период с первого до последнего дня Великой Отечественной войны и даже (для достижения полноты картины) порой выходят за эти хронологические рамки. В предисловии к первому выпуску один из его составителей, основатель и сопредседатель НПЦ «Холокост» И.А. Альтман подчеркнул, что письма евреев были опубликованы в десятках сборников, но «отдельного издания – в отличие от представителей многих других народов или регионов страны – они до сих пор удостоены не были» [11]. Рецензируемые издания позволили решить указанную задачу. Во многих представленных документах речь идет об уничтожении еврейского населения, об ответственности воинов-евреев перед собственным народом. В публикуемых письмах и дневниках нашла широкое отражение трагедия Холокоста на оккупированной советской территории, они также выступают прямыми свидетельствами роста самосознания евреев – солдат, офицеров, партизан.

Однако не меньший интерес вызывают источники, передающие нюансы межличностных коммуникаций в еврейских семьях, их предпочтения в пище и других бытовых вопросах, отражающие рефлексии по поводу положения своего народа и особенности выстраивания взаимоотношений с представителями других национальностей. Переживание собственного «еврейства» предстает порой в самых неожиданных ракурсах. Так, рижский скульптор Э. Ривош, потерявший в гетто свою семью и более двух лет вынужденный провести в укрытии, в переписке со своей будущей женой горько упрекает ее: «Вы любите меня за то, что я еврей (без моего в этом участия и без заслуг)... Нельзя так обобщать – это та же расовая теория. Вы должны освободиться от этого психоза. Мы все люди, и, может быть, я заслуживаю презрения, но во всяком случае не любви за то, что я родился евреем...» [12]. В то же время содержание сборников, как и фондов Архива НПЦ «Холокост», не ограничивается изначально заданными национальными рамками, поскольку включает и переписку евреев с представителями других национальностей. Например, в третий выпуск вошла подборка писем лейтенанта Ш.Х. Искандерова, узбека по национальности, в которых он писал о своей супруге – еврейке М.Я. Вальдман, находившейся с ним на фронте (они адресованы ее родным в Ташкент) [13].

Эпистолярным как самому массовому и ценному источнику, наилучшим образом представленному в архиве, отводится основное по объему место и в сборниках, что, в общем, присуще многим новейшим изданиям документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны. Характерным является и то, что количественно доминируют письма с фронта. Их авторы в возрасте от 17 до 55 лет представляют все рода войск и военные специальности, практически все социальные группы и слои советского общества. Написаны письма с разных участков фронта, в полевых условиях, советских и зарубежных селах и городах. В основном, письма и дневники мужские – женских сохранилось гораздо меньше. Особую категорию составляют сообщения однополчан о гибели евреев на фронте или оккупированной территории. Письма на фронт из советского тыла представлены в значительно меньшей степени, поскольку военнотруженики не всегда имели возможность их сохранить.

Своеобразие материала, включенного в сборники, проявляется в ряде моментов. Например, значительное место уделено публикации переписки фронтовиков со своими детьми разных возрастов (в том числе письмам, адресованным младенцам). Такого рода источники содержат ценную информацию об отцовстве военного времени, типичных воспитательных практиках и формах помощи родным, которую стремились оказывать находившиеся на фронте мужчины. В целом, семейные комплексы писем, хорошо представленные в сборниках, отражают, с одной стороны, особенности повседневного существования в условиях фронта, с другой – стратегии совладания с жизненными трудностями, практиковавшиеся в тылу. Они же зафиксировали специфику интимных переживаний в советском социуме. Переписка между друзьями, коллегами по работе, соседями позволяет осмыслить практики общения, взаимопомощи, досуга, бытовавшие во время войны.

Если указанные выше письма интересны именно своей «типичностью», позволяющей говорить о жизни и чувствах «рядовых» участников войны, то ряд публикуемых документов носит уникальный характер. Среди них, например, предсмертные письма С.В. Ратнер из Витебского гетто, прощальные надписи на стенах овощехранилища в украинском городе Золотоноша, письма на бересте А.Д. Минкина и ряд других материалов.

К редким историческим источникам относятся и дневники военного времени, особенно принадлежавшие «среднестатистическим» советским гражданам. Вести дневники в советское время вообще, а на фронте тем более было не принято. Поэтому публикации дневников в рассматриваемых сборниках представляют значительный интерес для исследователей военной темы. Достаточно сказать, что в три выпуска сборника вошли фрагменты из двадцати дневников (от пары страниц до достаточно объемных отрывков). Уже сам факт их публикации позволяет не согласиться с часто встречающимся мнением о существовании специального запрета в Красной армии на ведение дневников: «Вероятно, эта директива (если она и была) не реализовывалась на практике» [14]. Содержательная ценность данных источников многообразна: в них освещается широкий спектр настроений и жизненных ситуаций комбатантов, динамика событий и личных переживаний, передаются тончайшие нюансы саморефлексии и напряженных раздумий над этическими дилеммами, которые, во многом, и составляли смысл ведения дневника для человека военного времени.

Среди наиболее интересных источников – фронтовой дневник капитана Э.И. Генкина, дневниковые записи фотокорреспондента Совинформбюро М.А. Трахмана, москвича В.Г. Кагарлицкого. Во всех случаях составители попытались представить наиболее важный отрезок фронтового пути автора, выводя на первый план «лично пережитое», ценности и противоречия нового опыта. Для М.А. Трахмана таким опытом стало пребывание в отрядах партизан Украины и Белоруссии, для Э.И. Генкина – «Сизифов путь» по «распятой» Германии.

Под влиянием обстоятельств, «ребром» ставивших вопросы выживания и самой цены человеческой жизни, давала трещину та печать самоцензуры, которая неизбежно лежала на большинстве дневников советских граждан. У Трахмана это нашло выражение в весьма нетривиальных зарисовках о жизни партизан, далеких от растиражированного писателями образа, месяцами живших в невыносимых условиях, что также делало их «настоящими героями, даже если они не спускали эшелонов и не рвали мостов» [15]. Дневниковые записи капитана Генкина документируют «адский» финал войны, когда «лирика горит», и иссякает вера «во что-то светлое» (т.е. в социализм, который вряд ли будет построен и «через 500 лет»). Наконец, в майские дни 1945 г. автор завершает дневник: «Итак, война кончилась. Прекратилось бессмысленнейшее убийство!.. А на душе пусто. Чего же хочется? Черт его знает! Главное, очевидно, не только в том, чтобы война кончилась. Важно еще то, чтобы началась настоящая жизнь» [16].

В подзаголовках указано, что сборники содержат письма и дневники, но на самом деле они включают в себя и тексты других жанров. Так, в дневниках присутствуют очерки, литературные наброски их авторов, в письмах цитируются стихи. Все это позволяет считать рецензируемые издания достаточно важным источником для изучения повседневности советских граждан периода Великой Отечественной войны, их чувств и настроений, духовного облика и частной жизни. Очевидно, что значительное место, отводимое в письмах вопросам быта, человеческим эмоциям, неформальным коммуникациям, мыслям и

чувствам авторов и их респондентов является залогом их широкого использования исследователями, разрабатывающими рассматриваемые сюжеты на материалах военного времени [17-19]. Все это позволяет, несомненно, положительно оценить факт их издания.

Необходимо отметить значительную работу, проделанную составителями при подготовке данных изданий. В частности, она выразилась в интересной, информативной и удобной в использовании форме представления документального материала. В качестве названия блока документов выносятся короткая цитата, как правило, достаточно точно отражающая основную мысль и своеобразие представленного фрагмента переписки либо дневника. Далее составители приводят биографические данные об авторе (включая места рождения и жительства, образование, профессию, боевой путь, ранения и награды, послевоенную судьбу тех, кто остался жив) и его адресатах (если речь идет о письмах), сведения о тех лицах, которые передали документы или их копии в архив НППЦ «Холокост». В справке также указываются данные об издании, в котором документ был напечатан ранее, либо анонсируется место и время его издания в более полном виде. Многие справки об авторах сопровождают их фотоснимки. Сами подборки писем и дневников приводятся в хронологическом порядке, позволяя проследить духовную эволюцию их авторов.

Сборники также снабжены перечнями авторов писем и дневников, лиц, предоставивших материалы для публикации, а также географическими указателями и перечнями иллюстраций, облегчающими поиск необходимой информации. Необходимо отметить и высокое качество полиграфии сборника, особенно представленных в нем цветных и черно-белых иллюстраций, среди которых фронтовые фотографии Д.А. Минскера, М.С. Редькина, М.А. Трахмана, Я.Н. Халипа и других авторов, а также открытки, обширные подборки из журнала «Фронтовая иллюстрация», сами письма, рисунки участников войны, справки, удостоверения и другие документы.

К сожалению, составители не всегда указывали архивные фонды, коллекции, частные собрания и другие места хранения публикуемых документов. Тем не менее, рецензируемые сборники представляют собой важный вклад в расширение источниковой базы и ее возможностей в изучении военной темы и, безусловно, будут в полной мере востребованы, как специалистами, так и широкими кругами читателей, интересующимися проблемами истории Великой Отечественной войны. Выражаем надежду, что серия публикаций писем и других источников личного происхождения продолжится, способствуя дальнейшему осмыслению обстоятельств жизни и смерти советского человека в условиях военного времени.

Примечания:

1. Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 6. С. 96–105.
2. Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131–135.
3. Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.
4. Козлов В.П. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы. К 65-летию Победы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24–47.
5. Иванов В.И. Современные проблемы публикации писем периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 50–57.
6. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации // Там же. С. 87–96.
7. Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 4-17.
8. Тажиудинова И.Г. Из частной жизни фронтовиков: переписка с женами в годы Великой Отечественной войны // История и историки в контексте времени. 2012. № 9. С. 24-29.
9. Сохрани мои письма...: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост», МИК, 2007. 320 с. (далее – Сохрани мои письма... (1)); Сохрани мои письма...: Сборник

писем евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. 328 с. (далее – Сохрани мои письма... (2)); Сохрани мои письма...: Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И.А. Альтман, Л.А. Тёрушкин, Е.В. Тестова; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр «Холокост»; МИК, 2013. 288 с. (далее – Сохрани мои письма... (3)).

10. Альтман И. Коллективная память о Великой Отечественной войне и Холокосте в письмах и дневниках советских евреев // Сохрани мои письма... (2). С. 4.

11. Альтман И. Великая Отечественная в письмах и дневниках советских евреев // Сохрани мои письма... (1). С. 4.

12. Сохрани мои письма... (2). С. 226.

13. Сохрани мои письма... (3). С. 270–272.

14. Альтман И. О некоторых особенностях писем и дневников советских евреев периода Великой Отечественной войны // Там же. С. 7.

15. Сохрани мои письма...: (1). С. 211, 213.

16. Там же. С. 284.

17. См.: Алексеев Д.А., Тёрушкин Л.А. Письма и дневники военных лет в архиве НПЦ «Холокост». Южные регионы России: фронт и тыл // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: Сборник науч. статей. Краснодар: Изд-во «Эдарт-принт», 2011. С. 10–26.

18. Тажидинова И.Г. Практики питания как составляющая фронтового быта: из личных свидетельств комбатантов Великой Отечественной войны // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 251–256.

19. Тёрушкин Л.А. Морально-психологическая подготовленность бойцов Красной армии: предвоенные планы и фронтовая реальность (по дневникам и письмам из Архива НПЦ «Холокост») // Там же. С. 261–265.